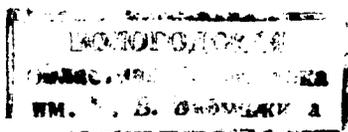

МОСКОВСКИЙ КРАЙ В ЕГО ПРОШЛОМ

О Ч Е Р К И
ПО СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕ-
СКОЙ ИСТОРИИ XVI—XIX ВЕКОВ

Под редакцией проф. С. В. Бахрушина

К III 1228639

3 (2-2 M / 63.3 (2P-4M0)
M 82 +T78

Напечатано по постановлению Правления
Общества изучения Московской губернии

Ученый секретарь *Бор. Клушин.*

МОСКВА
25 мая 1928 года.

От редакции.

Выяснение задач и методов исторического изучения отдельных областей является сейчас очередным вопросом в научном краеведении. Этот вопрос стоит особенно остро в виду усиления интереса к прошлому своего края, которое наблюдается в населении в связи с оживлением политической и общественной деятельности на местах.

Культурно-Историческая Секция Об-ва Изучения Московской губернии, сборник трудов которой предлагается вниманию читателей, в своей деятельности ставила себе поэтому целью установление очередных научных проблем истории края и выработку методов краеведческой работы в этой области. Новые научные требования, которым далеко не удовлетворяет старый тип местных хроник, выдвигают на первый план изучение истории отдельных уездов и городов в новом краеведческом направлении.

Такую цель преследуют работы М. Н. Тихомирова по Дмитрову и Дмитровскому уезду. (Город Дмитров. От основания города до половины XIX в. ¹⁾; Население города Дмитрова в XVII в. ²⁾; Села и деревни Дмитровского Края в XV—XVI в.). Специальные монографии: А. И. Воронков: „Из истории Каширы в XVII в.“; О. П. Булич: „Коломна, пути исторического развития города“ ³⁾; М. С. Померанцев: „Черты дворцового хозяйства в Дмитрове в XVII—XVIII в.“ и др., а также многочисленные доклады в „Старой Москве“, посвященные отдельным московским урочищам (напр., доклад М. В. Карка о Красной площади и др.) и московской архитектуре. Специально методу такого рода историко-краеведческих исследований отдельных территорий посвящены были доклады М. Я. Феноменова: „Краеведная работа по писцовым книгам“ и С. В. Бахрушина: „Александрова слобода“.

Из отдельных вопросов краевой истории, которые в настоящее время приобретают исключительную важность в связи с современными задачами экономического строительства, особенное внимание краеведов привлекает изучение истории хозяйства края и, в первую очередь, местной промышленности.

В этой области Секция произвела ряд монографических исследований, имеющих целью представить историю московской фабрики с XVII в. до революции. Таковы работы Г. А. Новицкого: „Первые московские мануфактуры по обработке кожи“; Е. И. Заозерской: „Богородская бумажная фабрика в начале XVII в.“ ⁴⁾; А. В. Чайнов: „Московские типографии XVII в.“ (читано в „Старой Москве“); П. С. Шереметева: „Крепостная фабрика в Остафьево“; П. М. Смирнова: „Старопавловская фабрика Богородского уезда за

¹⁾ Вышло отдельной книжкой.

²⁾ Напечатано в „Московском Краеведе“. Вып. I.

³⁾ Издано отдельной книжкой.

⁴⁾ Печатается в IV вып. Трудов Государственного Исторического Музея.

100 лет“; О. А. Шестаковой: „Текстильная промышленность Серпуховского уезда“ и др. Таким образом, в работах Секции нашли себе отражение и первые попытки создать казенную фабрику в XVII—XVIII в. при помощи иностранных специалистов, и крепостная вотчинная фабрика, и возникновение фабрики купеческой и, наконец, развал частной фабрики после Октября 1917 г. и смена ее фабрикой Советской.

Наконец, в связи с происходящей на наших глазах величайшей социальной революцией, на очереди стоит история отдельных групп населения, как тех, которые выступили сейчас на первый план в политической жизни страны, так и тех, значение которых рушилось под ударами революции. Внимание членов Секции было направлено, главным образом, к уяснению мало изученного быта старого купечества. Б. Б. Кафенгауз дал целое исследование о мемуарах московского купечества XIX—XX в.; интересную монографию, посвященную истории одного купеческого рода, от XVII до XX в., представляет собою доклад Е. А. Звягинцева: „Московский купец компанейщик Михайла Гусятников и его род“.

Условия дворянского хозяйства показаны в докладе К. В. Сивкова: „Владелица Покровского-Стрешнева и ее бюджет в 1813 г.“ (читано в „Старой Москве“). Ему же принадлежит исследование условий жизни крепостного крестьянства в знаменитой подмосковной — с. Павловском XVIII века.

Простое перечисление работ Культурно-Исторической Секции О-ва достаточно показывает направление и план ее деятельности. В настоящем сборнике эта деятельность и должна найти себе сильное отражение. Выпуская в свет свои первые опыты, участники в работе Секции позволяют себе надеяться, что это скромное начинание будет может быть способствовать усилению интереса краеведов к изучению прошлого своего края, без которого научное изучение его настоящего невозможно.

Ближайшее участие в выпуске настоящего Сборника принимали *Б. Б. Кафенгауз* и *М. Н. Тихомиров*.

С. Бахрушин.

28 мая 1928 г

Села и деревни Дмитровского края в XV—XVI веке.

Моя небольшая работа включает в себе три части: 1) введение, 2) краткий историко-географический словарь и 3) историческую карту селений Дмитровского края в XV—XVI веке. В известной мере все эти три небольшие части самостоятельны, но в то же время они объединены общей темой о селах и деревнях Дмитровского края. Краткий словарь селений стремится дать представление о каждом отдельном селении, карта указывает местоположение селений на территории Дмитровского уезда, что же касается введения, то в нем я стремился дать общую характеристику тех явлений в истории Дмитровского края в XV—XVI веке, которые не нашли отражение в словаре. К числу таких явлений я отнес следующие основные вопросы, без ответа на которые сам исторический словарь селений остался бы не вполне понятным: 1) вопрос о территории, которую я считаю Дмитровским краем; 2) о природных условиях этой изучаемой территории; 3) о времени колонизации этой территории; 4) о землевладении в Дмитровском крае за изучаемый период.

Легко заметить, что в схему моего введения не был включен ряд других не менее важных вопросов, относящихся к истории сел и деревень, например, вопросы сельского хозяйства и быта. Отсутствие самой постановки этих вопросов в моей работе является, конечно, заметным пропуском, но объясняется тем, что тема о сельском хозяйстве и быте крестьянства не нашла или, вернее, очень мало нашла отражение в тех источниках, которыми я принужден был пользоваться для своей статьи. Ведь единственные сведения о сельском хозяйстве Дмитровского края мы можем получить лишь из писцовых книг Троицких вотчин конца XVI века. Поэтому пришлось ограничить свою тему и брать из истории селений лишь отдельные, можно сказать, формальные стороны. Будем надеяться, что работа моя о селениях Дмитровского края в XV—XVI веке не останется одинокой и будет продолжена далее в XVII—XVIII век и может быть доведена до нашего времени.

I.

Территория Дмитровского княжества в общих чертах наметилась уже к концу XIV века. Дмитрий Донской дал своему четвертому сыну Петру в удел—Дмитров со всеми волостями и с селами, и со всеми пощинами. В числе Дмитровских волостей уже в это время упоминаются—„Вышегород, Берендеева слобода. Лутосна с отъездцем, Инобаш“. Князь Петр получил, кроме того, ряд Московских волостей, из них волости Мушкова гора, Ижво и Раменка, позднее вошли в состав Дмитровского уезда, тогда как остальные волости князя

Петра далеко отступали на сторону и никогда к этому уезду не принадлежали (Собр. Гос. Гр. и Дог., I, 34).

В таких же, примерно, пределах Дмитровское Княжество в 1462 г. перешло во владение сына Василия Темного—Князя Юрия. Отец дал ему „Дмитров со всеми пошлинами... и со всем тем, как было за князем за Петром“ (С. Г. Г. и Д., I, 86). Кроме того, тогда же к Дмитрову отошли еще некоторые Переславские волости, в том числе— волость Юлка. Окончательно же границы Дмитровского княжества, а позднее Дмитровского уезда, сложились только к началу XVI века. В 1504 году князь Юрий Иванович получил по завещанию от своего отца вел. кн. Ивана Васильевича „город Дмитров с волостями и с путми и з селы и со всеми пошлинами“. Кроме того, к нему отошла из Переяславских волостей—волость Юлка. Великий князь приказал обмежевать владения кн. Юрия. Межевая грамота 1504 г., сохранившаяся до нашего времени, и дает полное представление о границах Дмитровского княжества в начале XVI века. В то время, как северная граница Дмитровского княжества проведена была по рекам—Веле, Дубне и Сестре, остальные границы уезда были отмежеваны особыми ямами. Указание на эту „межу великого князя“ находим в описании границ сельца Леонова в 1513 г. (около села Игнатова), где указывается, что межа той (с. Леонова) земли идет „на межу на великого князя на Московскую и на Дмитровскую, да тою большою межою по ямам. Да к дороге к Дмитровской, а на дороге ямы ж всликого князя межа“ (Рук. Син. библи. № 276, л. 83 об.).

Границы 1504 г. надолго определили территорию Дмитровского княжества. По писцовым книгам Ивана Звенигородского 1562 г. Дмитровский уезд состоял из следующих станов: Повельского, Вышегородского, Инобожского, Лутосенского, Раменского, Берендеевского, Зарадомского, Ижевского, Кузьмодемьянской слободки, Мушкова стана, да во Вьюлке—Троицкого Бортного стана (С. Г. Г. и Д., I, 187). В XVII веке территория Дмитровского уезда оставалась без изменений. В нее входили 13 станов и 1 волость, из которых 10 станов и волость лежали длинной полосой от Дмитрова на юго-запад и 3 стана на отлете к северу от р. Дубны. Положение всех этих станов на современной карте совершенно ясно определено в работе Ю. В. Готье—Замосковный край в XVII в. (см. карту и текст, стр. 560—562).

В указанных пределах Дмитровский уезд просуществовал несколько столетий, несмотря на явную несообразность границ. В то время, как на востоке граница проходила близко от города, почти там же, где теперь, западная граница уезда заходила далеко в пределы Клинского и Звенигородского уездов. Новая перепланировка уезда произошла лишь в конце XVIII в., когда все станы к западу от р. Лутосни отошли от Дмитровского уезда. В 1802 г., взамен этого, к Дмитрову были присоединены новые волости на восточной границе и т. о. уезд опять несколько вытянулся, теперь уже на восток. В таком своем виде Дмитровский уезд удержался до 1921 года, когда проведено было новое земельное перераспределение уезда. В этом году все восточные области отошли к Сергиеву, а север Дмитровского уезда, заключенный в изгибе рек Дубны и Сестры, к Ленинску, и Дмитровский уезд получил свой современный вид (И. А. Смирнов. К истории территории Дмитровского уезда, в издании „Дмитровский уезд Московской губ.“. — Дмитров 1924 г., стр. 390—395).

Как мы видим, границы Дмитровского уезда менялись и территория его имела свою длительную историю, но тем не менее легко

заметить, что при всех изменениях с XIV в. по наше время некоторые волости неизменно оставались в составе Дмитровского уезда. В своем современном виде Дмитровский уезд сохранил исконные Дмитровские волости, всегда тяготевшие к городу Дмитрову. И в наше время он в сущности заключает в себе три старинных Дмитровских стана XV—XVI века:—Повельский, Вышегородский и Каменский. Исконная принадлежность этих станов к Дмитрову объясняется тем, что Дмитровский уезд сложился в крепких естественных границах. На севере такой границей явилось течение рек Вели и Дубны, на западе Сестры и Лутосни, на юге старая граница прочно шла по водоразделу между Яхромой и Клязьмой, и, наконец, на востоке—границей служили густые леса, еще и теперь сохранившиеся на рубеже Сергиевского и Дмитровского уездов. В дальнейшем под термином Дмитровский край я буду понимать исключительно территорию этих трех станов, впрочем несколько более обширную, чем современный Дмитровский уезд.

По устройству поверхности Дмитровский край довольно резко делится на 2 части. Весь восток и юг Дмитровского уезда занят возвышенностью, известной под названием Дмитровско-Клинской гряды. Гряда в пределах Дмитровского уезда напоминает собой небольшое плоскогорье, во многих местах круто обрывающееся к северу. Плоскогорье изрезано глубокими речными долинами, что придает всей местности вид холмистой страны. В этой юго-восточной части находятся высшие точки уезда—Обольяново на высоте 288 метров над уровнем моря, с. Благовещенское (230 м.), Ольявидово (235 м.) и т. д.

Наоборот, северо-западная часть Дмитровского края представляет собой низменную равнину, заросшую густым лесом, покрытую многочисленными болотами и торфяниками.

Характерно, что это разделение уезда по поверхности нашло свое отражение и в колонизации уезда. В то время, как юг и восток Дмитровского края относительно густо заселены, вся низменная часть уезда до сих пор отличается малочисленным населением. Такую же картину рисуют нам и переписные книги Дмитровского уезда 1628—9 года. Повидимому, и колонизационный поток пошел в эту часть уезда позже и имел направление с юго-востока на северо-запад. Только таким образом и можно объяснить себе название Повельского стана, единственно понятное словопроизводство которого можно производить от выражения „По Вели“, т.-е. стан, лежащий по реке Веле. Между тем река Веля омывает лишь на востоке ничтожную часть Повельского стана. Тем не менее главный сгусток селений Повельского стана и теперь лежит в восточной его части, по близости от р. Вели. Поэтому надо думать, что и первоначальное заселение этого стана началось от высоких окрестностей р. Вели. Эта связь между рельефом и колонизацией Дмитровского края особенно ярко бросается при взгляде на современную карту. В северо-восточной части уезда все поселения лежат на небольших холмиках среди болотистых низин. Только на этих более сухих возвышенностях и возможен естественный, дренаж почвы, возможно заниматься хотя бы в малой степени земледелием. Но слабая заселенность низменной части уезда по сравнению с областью Клинско-Дмитровской гряды в немалой степени объясняется и свойством почвы. По сравнению с возвышенной, низменная часть уезда является „наиболее оподзоленной“ и, таким образом, менее благоприятной для земледелия. В этой же части уезда встречается и другое печальное

для сельского хозяйства явление—заболоченность почв. Т. о. малая населенность этой части Дмитровского края вполне вытекает из его природных особенностей (см. А. Д. Шаховская—Природа Дмитровского края).

Главной рекой Дмитровского края, несомненно, является Дубна, в бассейн которой входят и р. Веля, Яхрома, Сестра и Лутосня. Но для Дмитровского края Дубна имеет сравнительно небольшое значение, так она протекает по глухой болотистой местности и никогда не была оживленным водным путем. Гораздо большее значение имеет р. Яхрома. Взгляд на карту уезда позволяет со всей определенностью установить, что весь Дмитровский край в сущности лежит в бассейне этой реки. Начинаясь на Клинско-Дмитровской гряде, Яхрома принимает 2 значительных притока Икшу и Волгушу, и дальше уже выходит на большую низменность: значение этой небольшой реки в древности было гораздо большее, чем теперь, т. к. она являлось лучшим водным путем от Московской области в бассейн верхней Волги (см. подробнее М. Н. Тихомиров—Город Дмитров).

И в наше время Дмитровский уезд—один из самых лесистых в Московской губ. По данным 1921—22 года более половины земельной площади Дмитровского у. (52%) покрыто лесом (Шаховская А. Д.—Природа Дмитровского края, стр. 53). В более раннюю эпоху лесов было, конечно, значительно больше. Об этом мы можем судить не только предположительно, но и на основании исторических памятников. По словам древнего жития Сергия Радонежского, Сергей основал свою обитель в дремучем лесу. Житие Сергия дает яркую картину лесной глуши, где впервые был основан монастырь: не было кругом ни сел, ни дворов со всех сторон леса и пустыни—„место то было прежде лѣс, чаща пустыни, идѣже живяху зайци, лисици, волци, иногда же и медведи посещаху“. По преданию, ученик Сергия, Мефодий, для основания Песношского мон-ря выбрал тоже глухую пустыню, окруженную отовсюду болотами. Соседняя с Пешношским мон-рем обитель при устье р. Яхромы с XVI века известна под характерным названием Медведевой или Медвежьей пустыни. Остатки громадных лесов и до сих пор сохранились в излучине р. Дубны и Сестры. Здесь расположен большой хвойный лес Раменского лесничества, получивший прозвище Московской „тайги“. Проезжая в 1650 г. от Рогачева до Колязина, царь Алексей Михайлович в одном письме к своему приближенному описывал эту местность, как сплошной лес—„от Рогачева до Колязина мон-ря на осмидесяти верстах никаких птиц, ни гнезд, ни гаю не наезживали; леса большие и глухие и в перелет птица никакая не перелетит, и поля худы, а в Колязине птицы всякие есть“ (Бартенев И.—„Собрание писем царя Алексея Михайловича“. М. 1866 г., стр. 30, 11 июня 1650 года).

Лесной характер Дмитровского края еще более подчеркивается многочисленными указаниями памятников на животный мир Дмитровских лесов. В XVI веке в лесах водились лоси, медведи и лисицы. При Дмитровских князьях упоминается должность ловчего, а в жалованных грамотах, как особая льгота, упоминается освобождение владельцев от обязанностей посылать своих людей на княжескую охоту—„а ловчие наши и псари людей и подвод у них на медвежьи и на лисьи поля не емлют“ (А. А. Э. № 215). Грамоты знают и случайную смерть—„кого зверь съест“ (А. А. Э. I, 150, см. еще там же № 373 и Обзор, III, 261). Любопытно, что этот лесной характер Дмитровского края нашел свое отражение даже на печатях последнего Дмитровского князя—Юрия Ивановича. Так при грамоте этого князя, выданной в 1513 году

Троице, Сергиеву мон-рю, привешена на красном шелку восковая продолговатая печать с изображением охотника с собакой, вонзающего рогатину в открытую пасть медведя, и надписью на ободке: „князь Юрьи Иванович с(ы)н великого князя“ (Федотов-Чеховской—Акты граждан. расправы, I, № 32).

В XV веке по рекам Дмитровского княжества, повидимому, еще в значительном количестве водились бобры. В 1423 году кн. Петр Дмитриевич пожаловал Троицкому мон-рю право ловли бобров по р. Воре—омут Теремневской и земли от реки Талицы до Лепетни (А. А. Э. I, 22). Через сто лет в начале XVI века пять „бобровых“ деревень еще существовали в Каменском стане. Сохранилась и уставная грамота, определявшая повинности этих деревень, сколько надо платить ловчим и его тиунам (А. А. Э. I, № 215). Впрочем, из той же уставной грамоты видно, что бобровый промысел в этих деревнях находился уже в упадке и постепенно вытесняется земледелием. Так, нормы и поборы жители деревень платят, смотря „по дани и по пашне, которая деревня болше пашнею и угодем, и на ту деревню болши корму и поборов положат“. Грамота знает проступок — „а кто у кого в волости меж себя переорет или переносит“. Все поборы „бобровых“ деревень также исчислены уже в продуктах земледельческого хозяйства—хлеб, овес, воз сена, баран, полть мяса. Повидимому, в начале XVI века ценный пушной зверь стал уже исчезать из пределов Дмитровского княжества. Но и в XVI веке все еще встречаем указания на многочисленные деревни „соколничя“ пути, псарские, бортные деревни, деревни, принадлежавшие царским конюхам. В 1580 г. в одном Дмитровском акте упоминаются как послухи—„стремянные царские конюхи и царский „охотник“ (Обзор, III, 192), еще раньше в 1570 г. — „конюх государьский“ (Обзор, III, 65) и т. д.

С какого времени началась колонизация лесных пространств Дмитровского края мы достоверно не знаем. Летописные заметки говорят только о городе Дмитрове и лишь глухо упоминают о селах. Грамоты XIV века также молчат о Дмитровских селах, и только духовная Семена Ивановича Гордого неопределенно, не указывая местоположения и названия, упоминает: „село в Дмитрове, что есмь купил у Ивана у Дрюцкого“ (Собр. Гос. Гр. и Дог., I, № 24). Первые известия об отдельных селениях Дмитровского края сохранились лишь от XV века. Количество таких селений еще сравнительно не велико, при чем наши сведения касаются лишь тех из них, которые впоследствии находились во владении монастырей. Впрочем, один документ позволяет нам говорить о том, что к началу XVI века по крайней мере южная окраина уезда была уже довольно густо заселена. Так, в упомянутой межевой грамоте 1504 г. перечисляется значительное количество сел и деревень, лежавших по границам Дмитровского уезда. С начала XVI века, вообще, сведения наши об отдельных селах Дмитровского края чрезвычайно увеличиваются. Отсутствие сведений не позволяет установить точную картину уезда в XVI в., но едва ли будет ошибкой, если мы примем, что громадное большинство современных селений уезда уже существовало в XVI веке. Доказательством этого служит для меня переписная книга 1628—9 года, в которой можно уже найти почти все современные селения Дмитровского края. С большим вероятием все эти поселения восходят уже к досмутному времени, т. е. к XVI веку.

К какому же все-таки времени можно отнести колонизацию Дмитровского края? В известной мере край, несомненно, был засе-

лен уже ко времени основания Дмитрова, т.-е. к пол. XII века. Но можно сильно сомневаться в густой заселенности края в это время. Все летописные заметки, относящиеся к первоначальной истории Дмитрова, рисуют нам его, как вооруженный оплот на окраине Суздальской земли, при чем первоначальные известия о Дмитрове очень отрывочны и сравнительно редки. По всем данным в XII—XIII веке значение Дмитрова было еще очень не велико.

Только с XIV века заметны черты какого то-роста политического и экономического значения Дмитрова. В 1373 году, по поводу нападения Михаила Тверского, летописец говорит о сожжении горда Дмитрова, посада и сел и о том, что тогда из пределов Дмитровского княжества выведено было „многое множество“ людей (П. С. Л., том XX, 223).

В конце XIV века впервые выступает на арену политической жизни и Дмитровское удельное княжество, доставшееся четвертому сыну Дмитрия Донского—князю Петру Дмитриевичу. XV—XVI век можно считать расцветом торговой деятельности Дмитрова, в это же время Дмитров становится столицей Дмитровских удельных князей Московского дома. Исторические данные определенно ведут нас к XIV—XV векам, как ко времени, наиболее удобному для колонизации Дмитровского края. Но к этому же времени приводят нас и другие более прямые исторические источники. Как мы видим, согласно древнему житию Сергия Радонежского, Троицкая обитель была основана в дремучем лесу, но уже в XV веке вся местность, прилегавшая к Троице-Сергиевскому мон-рю, была густо заселена и покрыта множеством сел, деревень и починков. Начало колонизации этого края, по рассказу того же жития, было положено при вел. князе Иване Ивановиче (1353—59 гг.) когда „начаша приходити христиане и обходити сквозе вся лесы оны, и возлюбиха жити ту, и множество людей восхотевше начаша с оба полы места того садитися и начаша сеци лесы оны, яко никому же возбраняющу им и сотвориша себе различныя многия починьцы и сотвориша пустыню яко поля чиста многа, якоже и ныне нами зрима суть и составиха села и дворы многи“. Тогда же в этих лесах на окраине Дмитровского княжества был построен новый городок — Радонеж (Леонид—Житие Сергия. Изд. Общ. Люб. Др. Письм., СПб.—1888 г.). Об этом городке и об его основании узнаем, впрочем, также из летописи, находя таким образом подтверждение известиям жития. Итак в XIV—XV веке начали впервые заселяться глухие леса у восточной окраины Дмитровского края.

В какой же мере эта колонизация может быть приурочена к пределам самого Дмитровского края. Полное отсутствие исторических свидетельств здесь может быть восполнено только одним памятником старины—номенклатурой селений и урочищ Дмитровского края, к изучению которой мы и обратимся. Номенклатура селений и урочищ Дмитровского края отличается поразительной устойчивостью, громадное большинство селений, известных нам по документам XV—XVI века, сохранили без перемены свои названия до нашего времени. Случаи замены названий новыми или даже простое искажение названий сравнительно немногочисленны. Характерным является лишь перемена в окончаниях названий, которые в древности чаще, чем теперь оканчивались на „ское“, „ская“. Напр., село Ермолинское (теперь, Ермолино), Борисовское (Борисово), Александровское (Александрово) и т. д. Гораздо чаще встречаемся с одновременным существованием двух или трех названий одного

и того же селения. Из этих двух или трех названий нередко можно отличить более новое от старого. Чаще всего двойные наименования носят села, получившие свое второе прозвище от именованья сельской церкви (напр. Спас-Каменка, Внуково-Елпатьевское, Никольское-Батюшково и т. д.). Любопытный пример устойчивости названий на протяжении 150 лет встречаем в одном судебном деле конца XVII века. Владелец села Синькова Троицкий мон-рь в 1699 году вел судебное дело с владельцем соседнего села Дятелина Богоявленским монастырем о луге „Мостище“ Луг. „Мостище, находился по книгам 1562 г. „на реке на Яхроме подле пожен Троицких до Щура Курчева“. Богоявленский же мон-рь указывал луг „Мостище“ на р. Яхроме—„против перевозу, что ныне ходит плот через реку Яхрому, а преж сего в старину бывал мост“. Троицкий же мон-рь утверждал, что этот луг не Мостище, а Алексеевка и принадлежит Троицкому мон-рю. На обыске крестьяне соседних сел показали в пользу Богоявленского мон-ря: в том-де месте истари через реку Яхрому бывал мост, а плот ходит с того времени, как пошла стругами снизу красная живая рыба с Волги в сады, и тот-де луг по тому мосту и словет изстари Мостище, а позади тоголугу... бывала роца Щуровская“ Старожилы указывали и пожню, „что бывала Щура Курчева“ (Фед. Чеховской. Акты гражд. расправы, II, № 184). В деле луг постоянно называется Щуракурчевским, а пожня Щура Курчева. Напрасно было бы в документах XVII века искать лицо носившее подобное имя, но зато Щура Курчев отыскивается в Тысячной книге (Временник Общ. Истор. и Др. Рос., XX, 41—55, см. еще Обзор, III, 123) 1550 года. Прошло полтора века, Курчевы давно потеряли свое значение и свои имения в Дмитровском крае, а народное предание все еще сохраняло память как о давно умершем землевладельце, называя его именем пожни и роци, так и о существовавшем когда-то в старину мосте, от которого и соседний луг получил свое название „Мостище“.

Устойчивость номенклатуры селений и урочищ Дмитровского края в известной степени позволяет нам считать их в большей или меньшей степени первоначальными, т.-е. восходящими ко времени самого основания селений. Поэтому немаловажным можно считать и следующее наблюдение: это малочисленность названий, которые можно было бы возвести ко временам дославянской колонизации.

Почти все названия рек и озер Дмитровского края носят славянский характер. Правда, можно указать и исключения, но их сравнительно не много. Непонятны названия лишь некоторых из наиболее значительных рек Дмитровского края. Укажем эти названия: Яхрома, Икша, Волгуша, Якоть, Воря, может быть, Лутосня. С большим сомнением можно считать неславянским название другой реки края—Веля (в летописях она носит и другое название—Влена). Зато, повидимому, нет никаких сомнений в славянском происхождении названия самой значительной реки Дмитровского края—Дубны. Название свое Дубна получила, по очень достоверному преданию, оттого—что со дна ее часто вытаскивают потемневшие от пребывания в воде дубовые стволы (Шаховская—Природа Дмитровского Края, стр. 15). Безусловно славянские и названия большого количества мелких речек Дмитровского края. Таковы: Дятлинка, Каменка, Скородайка, Черная речка, Афанасовка, Комариха, Черная, Коротенка, Мирославка, Киселевка, Прокошева и т. д.

В еще большей степени славянскими надо считать и названия немногочисленных озер Дмитровского края: Галицкое, Свинкино, Долгое, Белое, Линево, Черная грязь. Не решаясь определять, являются

ли такие названия, как Яхрома, Икша, Лутосня и др., финскими, или они могут быть объяснены корнями каких-либо других языков, думаю, что самая малочисленность таких названий наталкивает на определенную мысль о том, что первоначальные дославянские поселения в пределах Дмитровского края были очень немногочисленны и разбросаны. Только названия сколько-нибудь значительных речек перешли от более ранних насельников к славянам колонистам, тогда как большую часть края последние нашли пустынной и принуждены были дать рекам и озерам свои названия. Поэтому я никак не могу согласиться с попыткой исследователя Дмитровской истории М. С. Померанцева объяснить не только названия рек, но даже и некоторых селений финским влиянием. Такие названия, как Семерлино, Вески, Мерлино, не дают еще никакого права говорить об их финском происхождении, подобно тому, как нельзя видеть „следы татарских нашествий“ в таких названиях, как Ахтырка (от церкви Ахтырской Б. М.) и Деденево (стрелец Дудень упомянут в межевой грамоте 1504 года) и т. д.

По своему происхождению названия селений Дмитровского края можно разделить на несколько групп. К первой группе принадлежат все названия, происхождение которых связано с природным положением местности. Например, с местоположением на какой-либо реке, от которой могла получить свое название местность. Такие примеры довольно многочисленны: с. Дятелино на р. Дятелинке, Бунятино на р. Бунятке, Каменка на р. Каменке, Якоть на р. Якоти, Черная грязь на озере Черная грязь и т. д. Правда, в этом случае возможно предположить и обратное заимствование по обычному порядку скорее надо считать переход названия реки к названию селения чем наоборот. Местоположение селений, вообще, говоря определило названия многих селений, таково например, происхождение названий двух сел Озерецких (одно Сергиевского, другое Московского у. (от соседних с этими селами озер). К такого же рода названиям относятся многочисленные—Горки или Горы в возвышенной части уезда, название их обычно соответствует местоположению села в холмистой местности. Таково, например местоположение дер. Горы около Ольявидова, расположенной у крутой горы. Для низменной части уезда наоборот характерны такие названия как Черная грязь, в непролазных местах Дмитровского уезда, Надмошье, Подмошье, среди мхов и болот этой части края. Все эти названия довольно многочисленны, но в сущности мало прибавляют к нашим знаниям о ходе колонизации в крае.

Другая группа названий принадлежит почти исключительно селам и произошла от наименований сельских церквей. Например: Ильино от церкви св. Илии, построенной здесь в XVII в., село Никольское—от ц. св. Николая, Елпатьевское—от ц. св. Ипатия и т. д. Эта группа названий сравнительно поздняя и также, дает мало матерьяла для историка.

Гораздо большее значение для историка имеет третья группа названий, преимущественно сел. Происхождение этих названий восходит к первоначальным владельцам и основателям селений. Эти названия в своей основе ведут нас к боярским и служилым родам, основавшимся в Дмитровском крае в сравнительно позднее время, Происхождение этих названий можно выяснить на двух—трех примерах. Село Пересветово, известное с 1563 г., несомненно, ведет свое название от первых своих владельцев, и, вероятно, основателей. Пересветовы упоминаются в Дмитровском уезде еще в начале XVI века,

при чем с. Пересветово находилось во владении этой фамилии до 1574 г. Несомненно, происхождение названия и другого селения Дмитровского края Ртищева. Это село принадлежало Ртищевым в XV—XVII веке. Название этого села, по справедливому мнению И. И. Кашкина, может восходить еще к XIV веку, к тому наместнику Радонежскому—Терентию Ртищу, о котором упоминает житие Сергия Радонежского—К XIV веку восходит и название другого теперь исчезнувшего села Гавшина на р. Яхроме. Это название мы вправе сопоставить с летописным известием о Гавшине дворе в Москве под 1368 годом (П.С.Л. XVIII, 107).

К началу XV века восходят названия двух других сел Дмитровского княжества: исчезнувшего теперь Лызлова-Хламова и Ермолина. В к. XVI в. Лызлово,-Хламово было уже пустошью, приписанной к с. Озерецкому инобожского стана, а в 1568 г., когда оно было подарено Троицкому м-рю, еще деревней. Название его, несомненно, восходит к Ивану Хламову, отец которого „дался в холопы при отце при своем до мору княгине Офросинье“, жене кн. Петра Дмитр. (Арсений—О вотч. владениях Троицк. м-ря, стр. 165). Название Ермолино точно также восходит к XV в. В одном памятнике XV в. упоминается о Дмитрие Ермолине, который, подобно своему отцу Ермоле, постригся в Троицк. м-рь. Этот Ермола, от которого пошло и прозвание всего рода, жил в самом нач. XV в. (Тихонравов, Древнее житие преп. Сергея Радонежского, стр. 158—165). В том же памятнике упоминается другой родоначальник Дмитровского рода Иван Сурма, имя которого сохранилось в названии села Сурмина. Таково же и происхождение названий: Татищево, Подчертково, Судимонтово и т. д.

Объяснение отдельных названий Дмитровского уезда происшедших от служилых фамилий обосновавшихся в Дмитровском крае, читатель найдет в кратком словаре названий в этой же статье. Здесь надо отметить только одно чрезвычайно характерное явление, что почти все фамилии бояр и детей боярских, передавших свои фамильные прозвища названиям селений, относятся к XV в. и редко заходят за первую половину XVI века. Мне не встретилось ни одного селения, название которого можно было бы приурочить к служилым фамилиям второй половины XVI века. Не указывает ли это на половину XVI века, как на предел после которого край стал уже относительно населенным и колонизация значительно замедлилась.

Все данные указывают нам, что первоначально заселялись наиболее возвышенные местности Дмитровского края. Что же касается до заселения низменных северо-западных частей уезда, то оно продолжалось и позже. Доказательством этой мысли служит для нас сотная выпись о владениях в Дмитровском уезде Медведевой пустыни. Эта выпись позволяет нам сделать и некоторые наблюдения по вопросу о происхождении названий четвертой наиболее многочисленной группы поселений. В описании села Нового (Раменья) и его деревень мы встречаем ряд деревень, названных именами живущих в них крестьян. Таковы например, названия: д. Окулово (в ней 1 двор, живет Окул Овинов), Онтропово (1 двор, живет Онтропко Некрасов), Тимоново (в ней 2 двора, живут Ивашко Тимонов и Куземко Плохов), Макаров починок (1 двор, живет Макар Карпов) и т. д. Трудно сомневаться в непосредственной связи названия деревни с ее обитателями. Вместе с тем, речь, повидимому, должна идти о новых поселениях, только, что основанных и названных по имени их основателей. Повидимому, колонизация этой части Дмитровского уезда не закончилась еще и

к 1562 г., к которому относится выпись (см. Чтения, 1902, II, Сотницы, стр. 138—147). Несомненно, что многие названия деревень, в особенности подобные названиям — Костино, Прокошево, Ивановка и пр., произошли таким же путем, от первых их основателей крестьян. Таким образом, подводя общие итоги знакомству с номенклатурой селений Дмитровского края, можно прийти к следующим выводам: наиболее оживленный колонизационный поток в лесистые пределы Дмитровского края идет лишь в XIV—XV веке. К началу XVI века вся южная и восточная часть уже была относительно густо заселена, тогда как излучина между Дубной и Сестрой продолжала еще заселяться в половине XVI века.

О землевладении в пределах Дмитровского края у нас также имеются лишь краткие и отрывочные сведения. Почти все древнейшие села Дмитровского княжества, известные нам с первой половины XV века, находились первоначально во владении самих Дмитровских князей. Усиленные раздачи княжеских земельных владений частным лицам и монастырям происходили, однако, в течение всего XV и первой пол. XVI века. В особенности значительные земли перешли в руки монастырей после смерти князей: Петра Дмитриевича в 1428 г. и Юрия Васильевича в 1472 г. Такая же раздача земель производилась и по завещанию кн. Юрия Ивановича, умершего в 1535 г., но по всем данным значительно позже его смерти, в 1555 г. Во второй половине XVI века в пределах Дмитровского уезда еще находилось 7 дворцовых сел, преимущественно в Каменском стане. Все эти села входят в состав изучаемого нами района и сохранили свои старинные названия: Андреевское, Вондомское (Волдынское), Подлилье, Гульнево, Удино, Льгово и Семеновское. Последние остатки дворцовых земель были розданы уже в начале XVII века в две больших раздачи: „за московское осадное сиденье царя Василия Ивановича (в 1610 г.) и „за московское осадное сиденье королевичева приходу“ (в 1619 году).

После этих раздач ко второй половине XVII века от всех дворцовых земель в Дмитровском уезде оставалось только 3 погоста: Черная грязь (или Введенский погост), погост Якорь и погост св. Егория в центре Каменского стана, вокруг которого группировались 7 деревень дворцовой Конюшенной волости.

Для XVI века неясно и распределение в Дмитровском уезде землевладений на вотчины и поместья. Зато переписные книги дают нам богатый материал о вотчинном и поместном владении в Дмитровском уезде в XVII веке. В начале XVII века вотчина уже определенно начинала преобладать в Дмитровском у. над поместьем, при чем раздача и продажа поместья в вотчины продолжалась весь XVII век. Но это преобладание вотчины для начала XVII в. было, повидимому, еще явлением недавним и всецело основывалось на двух больших раздачах 1610 и 1619 г. Если же считать, что в XVI в. все земли, отданные в вотчинное владение по этим раздам, были поместьями, то надо признать, что в XVI веке поместное владение в Дмитровском уезде определенно преобладало над вотчинным. Несколько большими сведениями обладаем мы о вотчинных владениях Дмитровского уезда в XVI в., хотя в наших руках и сохранились преимущественно только те документы, которые так или иначе связаны с монастырскими землями. Так например, чрезвычайно трудно сказать о величине владений отдельных вотчинников. Из всех вотчинников Дмитровского у. только об одних Вельяминовых можно говорить, как о крупнейших землевладельцах края

Им принадлежала почти вся округа в излучине Дубны и Вели, вместе с селами Ольявидовым и Кикиным, а также село Ивановское на южной границе Дмитровского у.

Интересные наблюдения можно сделать над продолжительностью владений землею в одном роде. Как известно, в исторической литературе господствует мнение о быстрых переходах в XVI в. земельных имуществ из рук в руки.

Однако, целый ряд данных заставляет нас принять это мнение для Дмитровского края с большим ограничением. Уже в XV — XVI веке ряд владений держался в одном и том же роде многие десятки даже сотни лет. Приведем несколько примеров. Упомянутые владельцы села Кикина и Ольявидова, Вельяминовы, владели этими селами еще в XVI веке, уже тогда эти села считались их старинными вотчинами. Если вспомнить, что Вельяминовы в нач. XV века были в родстве с кн. Петром Дмитриевичем (он был женат на Евфросиньи, дочери Полиевкта Вас. Вельяминова), то пожалуй, есть основание считать, что эти села могли принадлежать Вельяминовым в XV веке. Ольявидово было ими продано Троице Серг. м-рю в 1572 году, а Кикино оставалось в их роде до 1753 года. Не менее характерен и другой пример. Вотчинник сельца Ртищева Вас. Макара. Ртищев в 1650 г. в таких словах обосновывал свое право на владение — „которая, государь, вотчинка рода нашего Ртищевых болши полутретьяста лет“. Косвенно это указание Ртищевых подтверждается записью переп. книги по Дмитровскому уезду 1628—9 года, согласно которой Ртищевы владеют своей вотчиной еще по приправ. книгам 1562 г. По указаниям того же Вас. Ртищева, в этом же сельце при церкви Покрова находилось „исстари кладбище родителей моих, рода Ртищевых“. Значит, мы имеем дело с настоящей родовой вотчиной, переходившей из поколения в поколения. Можно указать и другие примеры большой устойчивости земельных владений в рукаходного рода, впрочем, менее яркие. Село Ермолино и соседнее село Спас-Каменка в XV веке находились во владении Дм. Вас. Бобра. Из рода Бобровых эта вотчина окончательно ушла только в начале XVII века. Старинная вотчина Пересветовых находилась в их руках частично до последней четверти XVI века. В межевой грамоте 1504 г. находим указание на то, что д. Горки принадлежала Петру Скобельцину, по переписным книгам 1628—9 года это село попрежнему принадлежало роду Скобельциных и Загряжских, при чем утверждено было за ними по книгам 1562 г. Если вспомнить, как отрывочны наши сведения о Дмитровских вотчинниках XVI в., то и эти отрывочные сведения надо признать заслуживающими известного внимания. Но у нас есть и другие данные, указывающие на сравнительную устойчивость вотчинного землевладения в Дмитровском уезде. Так переп. книги 1628/9 г. при описании вотчин часто упоминают, что вотчины записаны за владельцами по приправ. книгам 1562 г., не говоря уже о постоянных замечаниях о „старинных“ вотчинах. Эту устойчивость владений еще легче проследить в XVII и XVIII в., при чем за это время можно указать целый ряд примеров. Например, село Гари принадлежало Леонтьевым с нач. XVII в. по 1736 г., когда Стефанида Леонтьева вышла замуж за Ал. Хитрово. Позже имение досталось их сыну Сергею и потеряно было потомками Леонтьевых лишь в 1782 г. Село Волдынское с нач. XVII в. принадлежало до 1764 г. Салтыковым, а затем перешло к их племяннику гр. П. Б. Щереметеву. Село Дубровки в начале XVII в принадлежали Мих. Вас. Белосельскому, а в 1791 г. владела им Варв. Ив. Нарышкина

по наследству от отца ее кн. Ив. Алексеев. Белосельского и т. д.

Если сведения о служилом землевладении крайне разбросаны и случайны, то известия о монастырских вотчинах в Дмитровском уезде, наоборот довольно разнообразны и многочисленны. Дмитровский уезд можно назвать по преимуществу страной монастырского землевладения. Как известно, расширению монастырских земельных владений сильно способствовали разные причины — обычай вкладов по душе умершего, задолженность монастырям землевладельцев, неотчуждаемость земельных монастырских имуществ и т. д. В Дмитровском крае, кроме того, развитию монастырского землевладения в сильнейшей степени способствовало и положение уезда поблизости от столицы с ее многочисленными монастырями. Кроме того, на восточной границе уезда стоял великий собиратель земельных имуществ — Троице-Сергиев мон-рь, а в самом уезде находились 3 видных монастыря: Николо-Песношский, Медведева пустынь и Борисоглебский в Дмитрове. Надо вспомнить также о том пути, который через Дмитровское княжество шел на север за солью и рыбой. Вот этим объясняется, почему и такие далекие, но лежавшие по этому пути мон-ри, как Кирилло-Белозерский и Макариев Колязин, имели здесь свои вотчины.

Самым большим землевладельцем Дмитровского уезда был Троицкий Сергиев мон-рь. Уже в XV веке он владеет по жалованным грамотам князей целым рядом сел. Еще при вел. князе Василии Васильевиче, между 1432—1444 г.г. Троицкий мон-рь получил большие владения в Каменском стане, вдоль р. Яхромы. Вклады и продажи земельных имуществ в Троицкий монастырь продолжались весь XV и XVI век. В результате, не считая мелких территорий, Троицкий монастырь держал в своих руках громадную полосу земли, протянувшуюся от р. Вели почти непрерывно до сел Синькова и Бунятина. Вместе с тем вся восточная часть Повельского стана, лежавшая в изгибе Вели и Дубны, целиком со второй половины XVI в. перешла тоже в руки Троицкого мон-ря. Чрезвычайно характерно, что только Смутное время нанесло удар земельным владениям этого монастыря, и некоторые села, принадлежавшие Троицкому мон-рю в XVI веке, опять в начале XVII века вернулись в руки частных владельцев (напр., Пересветово, Ильинское, Перемилово). Очень значительны были владения Песношского мон-ря, сосредоточенные почти все около обители вокруг торгового и богатого села Рогачева. Около монастыря были сосредоточены и владения Медведевой пустыни, которой достались села и деревни по реке Сестре, а также владения в центре больших лесов, занимающих излучину Дубны и Сестры. Вотчины Дмитровского Борисоглебского мон-ря лежали более разбросанно. Этому мон-рю принадлежали село Кутач-Веретье на р. Дубне, Турбичево в Каменском и с. Новое (теперь Костино) в Вышегородском стане. Укажем кратко и владения других монастырей. Новодевичьему мон-рю принадлежало с. Асаурово, Рождественскому—Вороново, Успенскому собору в Москве—Высокое Каменского стана, Чудову—Борисово, Макариеву Колязину—Внуково, Горицкому Переяславскому мон-рю—с. Новое (Новенкое и Ильино на р. Веле), митрополиту—с. Игнатово, Кирилло-Белозерскому мон-рю—с. Куликово, Новоспасскому—Орудьево, Вознесенскому—Подмошье. Характерно, что главным сосредоточием монастырских вотчин явился Повельский стан и северо-западный угол Каменского тогда как остальная часть Каменского и почти весь Вышегородский стан оставались преимущественно областями частного землевладения.

II.

**Историко-географический словарь селений Дмитровского края
в XV—XVI веке.**

В краткий словарь включены только те селения, существовавшие в XV—XVI веке, которые сохранились до нашего времени. Селения исчезнувшие в словарь не включены, т.-к. установить их местоположение чрезвычайно трудно, а подчас и невозможно. Кроме того краткий словарь, как я предполагаю, должен послужить материалом для истории современных селений и таким образом преследует главным образом цель дать отправную точку для будущих исследований о селах и деревнях Дмитровского края в более позднюю эпоху. Не стремясь охватить все богатство материала, имеющегося по истории отдельных селений в XV—XVI веке, я строил описание отдельных селений по следующей схеме.

1) Современное название селения. Если название двойное, то указывается и второе название. В тех случаях, когда современное название отличается от более старого, эти отличия указываются. Попутно указывается объяснение названия селения, в тех случаях, когда оно возможно.

2) Местоположение селения устанавливается прежде всего станом, к которому принадлежало селение. Только точное совпадение названия селения и стана, указанного в источнике, позволяло говорить о тождестве современного села и деревни с селением, упомянутым в документе. В сомнительных случаях решающими являлись дополнительные соображения о местоположении селения. Например, положение на какой-либо реке или озере, указания на соседние селения или урочища.

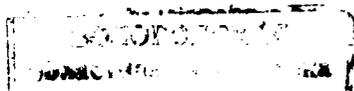
3) Время, когда селение впервые упоминается. Год этого первого упоминания о селении выставляется и на карте. В тех случаях, когда документы указывают на более раннее существование селения с ссылкой на какое либо лицо или историческое событие, когда уже селение существовало, годом первого упоминания о селении принимается год исторического события или крайняя дата, когда действовало упоминаемое в документах историческое лицо. Так, годом первого упоминания для сел. пожалованных кн. Петром Дмитриевичем, условно принимается год его смерти, т.-е. 1428 год.

4) Указание на владельцев селения. Вместе с тем указываются все переходы селений от одного владельца к другому, там, где это установить возможно. В тех случаях, где речь идет о продаже селения указывается и сумма, за которую селение было продано.

5) Количество дворов в селении. Указания на дворы в селении делаются самые краткие. Кроме того для сел указывается название церкви, если она имелась в селе, хоромы вотчинника, монастырский двор и т. д.

Абрамцева Каменского стана. Впервые упоминается в одном акте XV века (д. Обрамовская) вместе с селом Бутятинским (см. Бунятино), когда оно было приобретено Троице-Сергиевым мон-рем (Обзор, III, 199). В 1538 г. действительно принадлежало уже этому мон-рю (Чтения, 1902, II, Сотницы стр. 122—123). В начале XVI в. д. Обрамово Образцово насчитывала 5 дворов (Писц. кн. I, Камен. стан).

1228639

Александрово Каменского стана. В XVI веке—село Александровское. Название свое получило от именованья церкви. В жалованной грамоте царя Ивана Васильевича 1547 г. Песношскому мон-рю „село Александровское“ упоминается в числе сел, подаренных монастырю кн. Петром Дмитр., т.-е. не позднее 1428 г. (Лопарев I, 321—323).

Андреевское Каменского стана. Упоминается в летописи в 1566 г. в числе 7 дворцовых сел Дмитровского уезда (П.С.Л., XIII, 400). В первой половине XVII века отдано Мих. Мих. Салтыкову за осадное сиденье королевичева приходу (т.-е. в 1619 г.). В роде Салтыковых удержалось до 1791 года (Холмогоровы, 181—182).

Асаурово Вышегородского стана, село. В первой половине XVII в. принадлежало Московскому Новодевичьему мон-рю по приправочным книгам 1562 г. (Обзор, III, 727, стр. 202—203; переписные книги 7136 г.).

Афанасово Повельского стана. По писцовым книгам 1562 г. сельцо Афанасово на р. Яхроме принадлежало Дмитровскому Борисоглебскому мон-рю, по даче кн. Юрия Вас. и Юрия Ивановича. Вероятнее, дано, было в мон-рь по духовной Юрия Ивановича т.-е. после 1533 г. По пер. кн. 1627—28 г. Афанасова на р. Яхроме с мельничным мостом (Былов,—Дмитровский Борисоглебский мон-рь стр. 26—27).

Бабкино Вышегородского стана. В первой половине XVII века сельцо Попадьино Бабкино принадлежало дум. дьяку Фед. Фед. Лихачеву. (Пер. кн. 7136 г.).

Базарово Вышегородского стана. В 1547 г. сельцо Базарово принадлежало Песношскому мон-рю (Лопарев, I, 321), было монастырской куплей.

Батюшково Вышегородского стана. В первой половине XVII в. принадлежало Ив. Минину Нестерову „старинная ево вотчина село Никольское а Батюшково тож“. Прозвание Батюшково получило, вероятно, от фамилии Батюшковых, известных в Дмитровском уезде, Никольское от ц. Николая Чуд. стоявшей там и в XVII в. (Пер. кн. 7136 г.). Что Батюшковы имели какое то отношение к селу Никольскому-Батюшкову видно из того, что еще в 1628 г. Мих. Дан. Батюшков по своей душе отказывал к церкви села Батюшкова (Холмогоровы, стр. 197—198).

Бестужево Каменского стана. В жалованной грамоте царя Ивана Вас. Песношскому м-рю в 1547 г. упоминается в числе сел, данных в этот монастырь кн. Петром Дмитриевичем, т.-е. до 1428 г. (Лопарев, I, 321—324).

Бешенково или Бешенцово Повельского стана, сельцо. По писцовым книгам 1562 г. принадлежало уже Андронникову мон-рю в Москве (Перепис. кн. 7136 г.).

Благовещенское Вышегородского стана. Название от церкви. В перв. пол. XVII в. „село Благовещенское“, а в селе место церковное что была ц. Благовещение, было вотчиной кн. Засекиных, „старинная их вотчина“ (Пер. кн. 7136).

Борисово (в XVII в.—Васильевское тож) Повельского стана. В первой пол. XVII в. принадлежало Чудову мон-рю в Москве—„а писана та Чудова монастыря вотчина село Борисовское—по царя і великого князя Ивана Васильевича всеа Русіи жалованной грамоте 63 (т.-е. 1555) году“ (Перепис. кн. 7136 г.).

Борцова Повельского стана. В 1562 г.—деревня при с. Новом (см. Новое Санное), в ней насчитывалось 11 дворов, принадлежала она Медведевой пустыни (Чтения 1902 г., II, Сотницы, 138—140).

Бунятино Каменского стана. Название вероятнее всего от р. Бунятки. „Село Бутятинское“ с д. Обрамовскою упоминается в одном недатированном акте XV века (Обзор, III, 199), когда оно перешло в Троице-Сергиев мон-рь. Уже существовало в 1436—1445 г. (Обзор, III, 147). В 1447 г. находилось уже во владении Троицкого мон-ря. Жалованные грамоты м-рю на это село вместе с другими селами были выданы князьями: вел. кн. Вас. Васил между 1432—1443 г., в 1447 г. Василием Ярославичем, в 1504 г. Юрием Иван., в 1566 г. Владимиром Андр. (Обзор, III, 263, 268, 284, Арсений—О вотчинных владениях Троиц. м-ря в Летоп. занят. Археогр. Ком. В. VII, стр. 165).

Быкова Повельского стана. В 1562 г. принадлежала Медведевой пустыни, насчитывала 5 дворов, была деревней при с. Новом (Чтения, 1902, II, Сотницы, 138—140).

Быкова Повельского стана (ок. Дядькова). В первой пол. XVII в. была помещьем Демида Правоторхова Батюшкова, „отца ево помещье пустош Быково“ (Переп. кн. 7136).

Ваганово Вышегородского стана. В 1447 г. принадлежало уже Троице-Сергиеву мон-рю—„в Вышегороде Вагановское и с деревнями“ (Обзор, III, 263). В первой половине XVII в.—„село Ваганово“ принадлежало Денису Ив. Судимонтову, „старинная вотчина, что была в вотчине за кн. Ф. Ф. Волконским на реке на Яхrome“ (Пер. кн. 7136 г.).

Васнево Каменского стана (у Рогачева). В XVI в.—сельцо. В 1562 г. принадлежало Медведевой пустыни; насчитывало в это время 11 крестьянских дворов, 13 непашенных дворов, и монастырский двор (Чтения, 1902, II, Сотницы, 146).

Ведерницы (теперь Спас-Ведерницы) Каменского стана. В 1447 г. принадлежало уже Троице-Сергиеву мон-рю—„Ведерниче“ (Обзор, III, 263). В конце XVI века в Ведерницах насчитывалось 19 крестьянских дворов, была ц. Св. Троицы с приделом Сергия Чудотворца на полатах и с колокольницей с 2 колоколами (Писц кн., I, 747).

Власьева-Бортникова Повельского стана (ок. Насадкина). В перв. половине XVII в. д. Власьева Бортниково тож принадлежала Сем. Вас. Чаплину, получена им за московское осадное сиденье королевичева приходу, т.-е. в 1619 г. (Переп. кн. 7136 г.).

Внуково Повельского стана. В XVI в. село носило двойное название—Ельпатыевского и Внукова. Название Внукова, вероятно, получило от фамилии Внуковых (см. напр., духовную Вас. Ив. Внукова—Обзор, III, 123), название Ельпатыевское от ц. Ипатия Чудотворца, стоявшей на старом церковном месте во Внукове и в XVII в. (Холмогоровы, 186 и Пер. кн. 7136 г.). В 1531 г. кн. Юрием Ивановичем с. Внуково подарено было в Макариев Колязин мон-рь, при чем сам Юрий Иван. купил Внуково у Болотниковых. В 1551 г. приказчик Колязина мон-ря „Внуковского села“ спорил о покосах по р. Дубне с человеком Ольявидовского села Ивана Фед. Воронцова (Грамоты 1531 и 1551 г.г. изданы в Чтениях, 1894 г., III, смесь; также—Обзор, III, 239).

Волжинское Каменского стана. В XVIII в. называлось и Волдынским. В 1566 г. было дворцовым селом (П.С.Л., XII, 400). В первой пол. XVII в. Волдынское стало вотчиной боярина Бориса Мих. Салтыкова, получено им „за московское осадное сиденье королевичева приходу“, т.-е. в 1619 г. В роде Салтыковых оставалось до полов. XVIII в. (Холм. 182—183).

Вороново. Повельского стана. Об этом селе говорится в духовной вел. кн. Елены 1438 г.: „а внуку свою благословляю княгиню Марию Иванову селом Вороновским в Дмитрове... до ее живота, а по животе ино то внуку моему Василью“ (Собр. Г.Г. и Д., I, № 82). По приправ. книгам 1562 г. принадлежало уже Рождественскому Девичью монастырю в Москве, что за Неглинною. В первой половине XVII в. при Воронове была пустошь, „что был погост Федотовской“ (Переп. кн. 7136).

Высокова Вышегородского стана. В первой половине XVII в. „селцо Высокое“—принадлежало Еремею Кирил. Мунину—„старинная вотчина что наперед того была за Вас. Григ. Мунина“. Записана она за ними по приправочным книгам 1562 г. (Пер. кн. 7136 г.).

Гари или Гарь Повельского стана. В перв. пол. XVII в. село Гари с местом церковным, что была ц. Воскр. Христова было вотчиной патриаршего стольника Леонтьева, получено им было за москов. осадное сиденье царя Вас. Иван., т.-е. в 1610 г. Погост села Гарей стоял отдельно (ц. Преобр. Госп.—(Переп. кн. 7136 г.).

Глазачева Повельского стана. В XVI в.—деревня с. Куликова. В 1547 г. была пожалована царем Ив. Вас. кн. Мих. Ив. Кубенскому (А. А. Э., I, № 215).

Глухово-Богородское Каменского стана. В первой пол. XVII в. „селцо Глухово на р. Лутосне“ принадлежало кн. Фед. Тим. Оболенскому, раньше было вотчиной Луки Сокурова, а после него Прок. Воейкова (Пер. кн. 7136 г.).

Говейново (в XVI в. „Говеново“) Повельского стана. Уже в 1542 г. принадлежало Песношскому монастырю, тогда в нем была ц. Рожд. пресв. б-цы (А. А. Э., I, 197), упоминается и в 1547 г., как село подаренное в Песношский м-рь кн. Петром Дмитр., т.-е. до 1428 г. (Лопарев, I, 321).

Голяди Каменского стана. В первой половине XVII в. село Голяди принадлежало кн. Александру Данил. Приемкову Ростовскому, „вотчина его отца“. (Переп. кн. 7136). Но повидимому упоминается уже в 1572 году. В данной Троице Серг. мон-ря на сельцо Судниково упоминается в числе послухов „свещенник“ Третьей (Терентей) „Семенов сын из Галеи (Голедцкий?)“. Судникова лежит рядом с Голядью. Не есть ли Галеи испорченное—Голяди или Галяди? (Обзор, III, 68).

Горицы Каменского стана. В 1538 г. принадлежали уже Троице Сергиеву мон-рю (Чтения 1902, II, Сотницы, 122—123). В конце XVI в. д. Горицы насчитывала 16 дворов (Писц. кн., I, Камен. стан).

Горбово Повельского стана. На р. Веле. В первой половине XVII в. половина сельца Горбова была вотчиной Григ. Петр. Дурова, половина его брата Осипа (Переп. кн. 7136 г.). Дуровых много было в Дмитровском уезде и в XVI в. (см. указатель к Обзору, III).

Горки Вышегородского стана. В 1504 г. д. Горки принадлежала Петру Скобельщину. В первой половине XVII века „селцо что была деревня (Соб. Гос. Гр. и Дог., I, № 140) Горки“ принадлежало пополам Фед. Дм. Скобельщину и Ив. Загряскому, укреплено за ними по приправ. книгам 1562 г. (Переп. кн. 7136 г.).

Горы или Горки Повельского стана. Название получило от местоположения у горы. Во вт. пол. XVI века сельцо Горки с деревнями дано было ц. Иваном Вас. жене и детям Фед. Сем. Воронцова, взамен их вотчин в Пешехоньи. В 1572 г., вместе с Ольявидовым было продано Вас. Фед. Воронцовым в Троице-Сергиев мон-рь (Обзор, III, 153). В конце XVI в., насчитывало 4 двора, указывалось

„на ключе“ (Писц. кн. I, 776—782). По словам местных жителей в Горках и теперь из-под горы бьют прекрасные ключи.

Григорково или Григорово Вышегородского стана. В XVI в. сельцо. В 1565 г. Анной Мих. Шубиной по приказу мужа отдано было в Троице-Сергиев мон-рь. В это время в селе была церковь и мельница на р. Лусторе. (Обзор, III, 51)

Григорково Повельского стана. В первой половине XVII века, по приправочным книгам 1562 г. сельцо Григорково принадлежало соборной церкви Преч. Богородицы в Дмитрове, недалеко был погост на р. Якоти (Переп. кн. 7136 г.).

Гульнево Каменского стана. В XVI в.—село—с многочисленными деревнями. Упоминается в межевой грамоте 1504 г. (Собр. Гос. Гр. и Дог., I, № 140). В 1566 г. было дворцовым селом (П.С.Л., XIII, 400).

Даниловское Повельского стана. В XVII в. Никольское тоже (в селе была тогда ц. Николая Чуд.). В первой половине XVII в. село Даниловское—было „старинной вотчиной“ кн. Ив. Ив. Шуйского (Переп. кн. 7136 г.).

Деденево Вышегородского стана. В первой половине XVII в. сельцо Деденево—„купленная вотчина“ стряпчего сытного дворца Ортемья Григ. Ушакова, куплена у Пироговых (Пер. кн. 7136 г.). Не ведет ли свое название от того „Дюденя“ который упомянут в житии Сергия Радонеж. (Тихонравов—Древние жития Сергия Радонеж., стр. 34).

Драчево Вышегородского стана. В первой пол. XVII в. сельцо Драчево было „старинной вотчиной“ Опухтиных, что была в вотчине за Ондреем Быкасовым (Пер. кн. 7136 г.).

Драчева Повельского стана. На р. Сестре. В XVI в. деревня сельца Пантелеева, принадлежала Медведевой пустыни (Чтения 1902, II, Сотницы, 142—144).

Дубровки Вышегородского стана. В первой пол. XVII в. село Дубровки—купленная вотчина кн. Мих. Вас. Белосельского (Пер. кн. 7136 г.). В смутное время на это село претендовал Тим. Вас. Грязнов и даже получил на него от Сигизмунда III лист—на „старинную отчизну отца его у Вышегородском стану сельцо Дубровки с деревнями“ (П. Садиков,—Царь и опричник, „Века“, стр. 50—51, примечания).

Думино Повельского стана. В XV в. сельцо. В конце XV века вел. князь Иван Вас. выдал Ник. Льв. Заболотскому на освобождение этого сельца от пошлин и повинностей грамоту, которая может быть датирована от 1472 г. (смерть Юрия Вас. Дмитровского) до 1505 г. (смерть Ив. III), см. (Востоков, Описание Румянцевского музея, стр. 103). В 1565 г. Думино и д. Дехтарка Иваном Григ. Выротковым было подарено Троице-Серг. мон-рю (Обзор, III, 50).

Дятлино или Дятелино Каменского стана. Название от р. Дятелинки, на которой стоит. В XV—XVI в.—село. В 1428 г. дано было в Богоявленский Московский мон-рь Евфросиньей, женой кн. Петра Дмитриевича. По описи 1572 г. в с. Дятелине была ц. Воскресения Христова и погост на р. Дятелинке, на погосте ц. Воскресения Христова. В первой половине XVII в.—д. Карпова и пустошь, что было село Дятелино на р. Курохте (Холмогоровы, и см. статья архим. Никодима Белокурова в Москов. Епарх. Ведом., 1871 г. I—42 стр.). В 1699 г. к селу Дятелину принадлежал „отхожий луг Мостище на реке Яхроме“, где в старину был мост через Яхрому (Федотов—Чеховской, Акты граждан. расправы, II, № 185).

Дьяково Вышегородского стана. В первой пол. XVII в. село Дьяково—купленная вотчина дьяка Степ. Угоцкого. Куплена была в 1619 г. у Гавр. Андр. Дьякова (Пер. кн. 7136 г.). Свое название, вероятно, и ведет от фамилии Дьяковых.

Ермолино Вышегородского стана. Название ведет от фамилии Ермолиных, которым принадлежало в XV в. соседнее село Спасское. В XV в. „село старое Ермолинское“ принадлежало Дмитрию Вас. Бобру, который от кн. Юрия Вас. (между 1462—72 г.г.) получил на эти села льготную грамоту (Обзор, III, 306). В 1546 г. сын Дм. Вас. Бобра старец Иосиф подарил Спасское и Ермолино в Троице-Сергиев мон-рь (Обзор, III, 29). В первой половине XVII в. „сельцо Ермолинское“ принадлежало Гавр. Вас. Лодыгину, „купленная вотчина“ у вдовы Ив. Степ. Боброва, „мужа ее старинная вотчина“ (Переп. кн. 7136 г.).

Ескино Каменского стана. В 1556 г. было подарено в Троице-Сергиев мон-рь Иваном Тим. Клобуковым „что заложил у него Угрим Булгаков во 100 в 30 рублях“. В конце XVI века сельцо Ескино было пустошью (Писц. кн. I, Камен. стан).

Жестылева Повельского стана. На р. Якоти. В конце XVI в. с. Жестылево да пустошь Репехово по р. Якоти „на Ярунове лугу“. В начале XVI века Жестылево было вотчиной Фед. Сем. Башенина, а потом его сына Ивана. Семен Дмитриевич Башенин с детьми Федором, Юрьем и Иваном упоминается в 1514 г. Сем. Башенин упомянут в духовной Ивана III, 1504 г., как дьяк великого князя. Юрий Фед. Башенин, внук Семена, был также дьяком (упомянут в 1558 г.). Его брат Иван упоминается под тем же 1558 г., в 1569 г. он дал закладную в 100 руб. на свое село Жестылево Крутицкому епископу Герману. Далее село Жестылево перешло в руки царских стремянных конюхов Плишкиных, продавших его царскому крестовому дьяку Андрею Верещевскому. Последний продал село в 1578 г. в Сергиев Троицкий монастырь за 250 руб. (Обзор, III, 20, 45, 67, 137, 155, 192. Собр. Гос. Гр. и Дог. I, 144, Писц. кн. I, 784).

В конце XVI в. в Жестылеве было 14 крестьянских дворов, стоял деревянный, клецки, храм Пресв. Богородицы (Писц. кн. I, 783—784).

Збоево Вышегородского стана. В первой половине XVII века принадлежало ц. Дмитрия Селунского что в Дмитрове внутри города дано было по князе Юрии Ивановиче, повидимому, в 1555 г., вместе с пожалованием и др. сел., см. напр.—Орудьево. (Пер. кн. 7136 г.).

Ивановское Вышегородского стана. По Дмитровским книгам 1562 г. было сельцом при с. Асаурове и вместе с ним принадлежало Москов. Новодевичью мон-рю (Обзор, III, 727).

Ивановское Вышегородского стана. На Черной речке. В 1504 г. „село Ивановское“ на границе Дмитровского княжества принадлежало Ивану Шадру (Вельяминову) (Собр. Гос. Гр-и и Д, I, № 140). В 1541 г. Вас. Ив. Вельяминов продал его в Троице-Серг. мон-рь. (Обзор, III, 150). В конце XVI в. в Ивановском было 16 дворов (Писц. кн., I, Вышег. стан).

Ивановское Каменского стана. В 1547 г. принадлежало Песношскому мон-рю, упоминается в числе сел, подаренных кн. Петром Дмитриевичем в мон-рь, т.-е. до 1428 г. (Лопарев, I, 321—324). В 1542 г. в Ивановском стояла ц. св. Георгия (А. А. Э., I, № 197).

Игнатово Вышегородского стана. В сборнике актов относящихся к владениям митрополитов и, патриархов, в гл. III, о владениях в Дмитровском уезде, написанной во второй пол. XVI века (Рукопись Синод. Моск. Библ., № 276 л. 83) говорится: „село Игнатовское и Михайловское с реками и с пруды и с лесы, и з болоты

и с мельницами, и с луги, и с пожнями, и с пустошами, и с всеми угод(ь)и... митрополичии всея Рус(и) из старинныя“.

Иевлева Каменского стана. В 1572 г.—деревня, принадлежала вместе с сельцом Калачниковым Иосифо-Волоколамскому мон-рю, в д. Иевлева насчитывалось 4 крест. двора и монастырский двор (Чтения, 1904, IV, Сотницы, стр. 5—6).

Измайлова Повельского стана, деревня. В 1572 г. вместе с Ольявидовым была продана в Троице-Сергиев мон-рь Вас. Фед. Воронцовым (см. Колотилово). В конце XVI в. д. Измайлова насчитывала 5 дворов (Писц. кн., I, 776—782).

Ильинское Повельского стана. В 1576 г. продано было Иоакимом Богданом Ивановым Троицкому-Серг. мон-рю, в селе был в это время храм (Обзор, III, 85). В перв. пол. XVII в. „село Ильинское на р. Яхроме, что было в Повельском стану“ принадлежало стряпчему Лавр. Григ. Булатникову (Пер. кн. 7136 г.).

Исакова Вышегородского стана. В перв. пол. XVII в. сельцо что была д. Исакова принадлежала Микит. Лазар. Трегубову' приданая вотчина (Переп. кн. 7136).

Исакова Повельского стана. В XVI в.—деревня сельца Пантеева. В 1562 г. принадлежала уже Медведевой пустыни (Чтения, 1902, II, Сотницы, 142—144).

Караваева Повельского стана. В XVI в. была деревней села Нового. В 1562 г. принадлежала уже Медведевой пустыни, насчитывала 6 дворов (Чтения, 1902, II, Сотницы, 138—140).

Карамышева Повельского стана. В XVI в. была деревней села Нового. В 1562 г. принадлежала уже Медведевой пустыни, насчитывала 7 дворов, (Чтения, 1902, II, Сотницы, 138—140).

Карпова Каменского стана—см. Дятлино.

Карцова Повельского стана. В XVI в.—деревня с. Ольявидова. Вместе с ним в 1572 г. была продана Вас. Фед. Воронцовым Троице-Серг. мон-рю. В конце XVI в. насчитывала 8 дворов (Писц. кн., I, 776—782).

Кикино Повельского стана. В первой половине XVII в. село Кикино принадлежало Кир. и Фед. Семеновичам Воронцовым-Вельяминовым, „отца их старинная вотчина“. Принадлежало фамилии Воронцовых-Вельяминовых по приправн. книгам 1562 г., в их роде оставалось до 1753 г. (Переп. кн. 7136 г., Холмогоров, 187—188).

Колотилова Повельского стана. Во второй половине XVI в., вместе с другими деревнями, дана была царем Иваном Вас. жене и детям Федора Сем. Воронцова, взамен их вотчин в Пошехоньи. В 1572 г. вместе с Ольявидовом была продана Вас. Фед. Воронцовым Троице-Серг. мон-рю. В конце XVI в. д. Колотилова насчитывала 8 дворов (Писц. кн., I, 776—782).

Кончинино Повельского стана. В XV—XVI в.—село. В XV в. было куплено Одинцом Никифоровым Подчертковым у Якова Онаньича (Обзор, III, 161). В 1447 г. уже принадлежало Троице-Серг. мон-рю называлось — „сельцо Кончининское“, упоминается в 1504 и 1566 г. (Обзор, III, 263, 268, 284).

В конце XVI в. в Кончинине было 18 крестьянских дворов и деревянный, клетцки, храм Архангела Михаила, в церкви были службы только по праздникам, приезжал из села Маринкина поп Володимер (Писц. кн., I, Повел. стан).

Костина Вышегородского стана. В 1504 г.—деревня Костино, вотчина Борисоглебского мон-ря в Дмитрове (Собр. Гос. Грамот и Д., I, № 140).

На земле д.Костиной в перв. полов. XVII в. находилась пустошь, что было село Новое. Речь идет, несомненно, о с. Новом, которое по духовной кн. Юрия Вас. 1472 г. отошло в Борисоглеб. мон-рь. (см. Собр. Гос. Гр. и Д., I, № 96).

Кульпино Каменского стана. В первой пол. XVII в.—пустошь что была д. Кульпина, была вотчиной Мих. Посникова Щептина, получена им была за Московское осадное сиденье царя Вас. Иван., т.-е. в 1610 г. (Пер. кн. 7136 г.).

Кузяева Вышегородского стана. В XVI в.—деревня. По завещанию казначея вел. кн. Василия Ив. боярина Головы подарена Дмитровскому Борисоглебскому мон-рю, не позднее 1533 г. (Померанцев, Дмитровский край в его прошлом, стр. 66, в сборнике—Дмитровский уезд, Дмитров—1924 г.).

Куликово Повельского стана. В 1547 г. царем Иваном Вас. было пожаловано с деревнями кн. Мих. Ив. Кубенскому, взамен села Боборькина (А. А. Э., I, 215). В 1548 г., по духовной Мих. Ив. Кубенского перешло во владения Кирилло Белоз. мон-ря (Никольский, Н.—Кирилло-Белозерский мон-рь, Прилож. XVI, см. примечание 4). В конце XVI века в Куликове указана ц. Покрова (А. А. Э., I, 325).

Кумина (Куминова) Повельского стана. В XVI в.—деревня села Нового. В 1562 г. принадлежала Медведевой пустыни, насчитывала 3 двора (Чтения, 1902, II, Сотницы, 138—140).

Кунисниково Повельского стана. В XVI в.—называлось также Куниловым. Так, в 1538 г. дана была от вел. князя грамота отвести земли с. Подчерткова и с. Кунилова от др. земель, в том числе и „от городских земель“ (т.-е. от гор. Дмитрова). Значит Кунилово было рядом с городом Дмитровым и Подчертковым, что и соответствует местоположению Кунисникова. Впервые Кунилово упомянуто в 1532 г., когда оно принадлежало Ивану Семеновичу. В 1538 г. вел. князь отдал Кунилово в Троице-Серг. м-рь вкладом по Иване Кувалдине (Обзор, III, 25, 279 и 280).

Кутач Повельского стана. В XVI в. село Веретье-Кутач кн. Юрием Ивановичем (т.-е. до 1533 г.) подарено было в Дмитровский Борисоглебский мон-рь (Померанцев, Дмитровский край, стр. 66, см. еще Былов-Дмитровский Борисоглебский м-рь, стр. 26).

Липина Повельского стана. В первой половине XVII в. „деревня Ивановское, Липино то же“, принадлежала Медведевой пустыни (Переп. кн. 7136 г.). В 1562 г. д. Ивановская, сельца Пантилеева, на р. Сестре, принадлежала Медведевой пустыни (Чтения, 1902, II, Сотницы, 142—144).

Лучинское Каменского стана. В 1538 г. с. Лучинское принадлежало Троице Сергиеву мон-рю (Чтения, 1902, II, Сотницы, стр. 122—123). В конце XVI в. д. Лучинское, Огнетаево тож, имела 7 дворов (Писц. кн., I, Камен. стан).

Маньшина Повельского стана. В XVI в.—деревня села Нового. В 1562 г. принадлежала Медведевой пустыни, насчитывала 2 двора (Чтения, 1922, II, Сотницы, стр. 138—140).

Маринино Каменского стана. Сельцо Маринкинское в 1447 г. принадлежало уже Троице-Сергиеву мон-рю (Обзор, III, 263). В 1504 г. оно названо—„Маринкино“ (Обзор, III, 268). В конце XVI в. принадлежало Троице-Сергиеву мон-рю, в нем было 32 крестьян. двора и храм Николы Чудотворца, деревянный, на каменное дело (Писц. кн. I, 748).

Мартынова Повельского стана. В 1572 г., вместе с Ольявидовым, Вас. Фед. Воронцовым было продано Троице-Серг. мон-рю. В конце XVI в. насчитывало 8 дворов (Писц. кн. I, 776—782).

Медведково Каменского стана. В 1504 г.—деревня села Удинского „Медведково большое“ (Собр. Гос. Гр. и Дог., I, № 140).

Минеево Вышегородского стана. В 1576 г. Иоакимом Богданом Ивановым сельцо Минеево с деревнями было продано, вместе с с. Ильинским Троице-Сергиеву мон-рю (Обзор, III, 85). В первой половине XVII в. сельцо Минеево принадлежало уже стряпчему Лавр. Григ. Булатникову.

Миринова Повельского стана. В XVI в. деревня „Неронова“ была деревней с. Нового и принадлежала Медведевой пустыни, насчитывала 3 двора (Чтения, 1902, II, Сотницы, 138—140).

Мисинова Каменского стана. Название, вероятно, получило от рода Мисиновых, которым в 1526 г. еще принадлежала соседняя д. Шульгина (Обзор, III, 142). В 1504 г. село Мисиново принадлежало Троице-Сергиеву мон-рю (Обзор, III, 268). В конце XVI в. сельцо Мисиново насчитывало 15 дворов (Писц. кн. I, Камен. стан).

Михайловское Повельского стана. В 1571 г. сельцо Михайловское было отнято у подьячего Улана Айгустова и отдано дьяку Вас. Щелкалову (А. А. Э., I, № 280). В первой половине XVII в. принадлежало Вас. Никол. Ельчанинову: „отца ево поместье сельцо Михайловское“ (Переп. кн. 7136 г.)

Михнейково Вышегородского стана. В 1504 г. рядом с Трошейковым, но к югу от него „село Михеево“. Вероятно, от него ведет начало и современное Михнейково. Принадлежало с. Михеево Федке Румянцеву (Собр. Гос. Гр. и Д., I, № 140).

Морозово Вышегородского стана. На р. Икше. В первой половине XVII в. сельцо Морозово принадлежало Ив. Сумарокову Плохово, „отца ево вотчина“, полученная за осадное сиденье ц. Вас. Ив., т.-е. в 1610 г. (Пер. кн. 7136 г.).

Морозово Вышегородского стана. В первой половине XVII века было „старинной вотчиной“ боярина Алексея Юрьевича Сицкого (Пер. кн. 7136 г.). В 1504 г. „сельцо Морозово“ на границе Дмитровского уезда принадлежало Андрею Судимантову (Собр. Гос. Гр. и Д., I, № 140).

Муракино или Муркино Вышегородского стана. В конце XVI в. д. Михайловское Лопырево, Муркино тож (ок. с. Ивановского), принадлежала Троице-Сергиеву мон-рю, насчитывала 2 двора (Писц. кн. I, 731—734).

Муханки Вышегородского стана. В первой половине XVII века сельцо Муханки было „старинной вотчиной“ Матвея Григ. Батюшкова (Пер. кн. 7136 г.)

Надмошье Повельского стана. В перв. пол. XVII в. находилось в поместье за вдовой Василия Шокурова с детьми, писано за ними то поместье по ввозной грамоте 1611 г. (Переп. кн. 7136 г.).

Назарова Повельского стана. В XVI в. деревня сельца Пантлеева. В 1562 г. д. Назаровская на р. Сестре принадлежала Медведевой пустыни (Чтения, 1902, II, Сотницы, 142—144).

Насадкина Повельского стана. В 1576 г. была деревней при с. Пакове (теперь Панькове), находилась тогда в поместном владении Григ. Мих. Ельчанинова, раньше в 1570 г. было поместьем за Гр. Унковским. (Чтения, 1898, II и III, Юшков, Акты, № 204).

Нестеровское (теперь Нестерцова) Каменского стана. В 1547 г. „село Нестеровское“ принадлежало уже Песношскому мон-рю, пода-

рено было в мон-рь князем Петром Дмитр., т.-е. до 1428 г. (Лопарев, I, 321—323).

Нестеровское (теперь Нестерова) Каменского стана. В одном акте XV в. упоминается с. Нестеровское, которое старцами Троицкого м-ря отдано было взамен Бунятина и д. Обрамовской (Обзор, III, 199).

Насонева Каменского стана. В 1538 г. принадлежала Троице-Сергиеву мон-рю (Чтения, 1902, II, Сотницы 122—123). В конце XVI в. д. Насонева насчитывала 8 дворов (Писц. кн. I Камен. стан).

Нефедково Каменского стана. В 1504 г. в числе Удинского села деревень (Нефедиха ок. Удина) упоминается д. „Нефедково“ (Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 140).

Никульское Вышегородского стана. В первой половине XVII в. называлось и Микульское на р. Скородайке, в это время было сельцом, „что была пустошь“, вотчина Кузьмы Вас. Чаплина, получена им была за москов. осадное сиденье царя Вас. Иван., т.-е. в 1610 г. (Переп. Кн. 7136 г.).

Новенькое Повельского стана. В первой половине XVII в. была пустошью, „что было село Новое на реке на Веле“, принадлежала Переяславскому Горицкому мон-рю, по приправ. книгам 1562 г. (Переписные книги 7136 г.).

Новое Каменского стана. В первой половине сельцо Берешни Новое тож принадлежало Богд. Мин. Дубровскому, было его вотчиной (Переп. кн. 7136 г.).

Ново-Никольское Повельского стана. Название получило от ц. Николая Чудотворца („древяна вверх шатров“), стоявшей там в первой пол. XVII в. В это время „село Новенькое на реке на Дубне“ было в поместьи, половина за кн. Ник. Леонт. Шеховским, половина за Фомою Ив. Квашниным (Переп. кн. 7136, Холмогоровы, 229—231).

Новоселки Каменского стана (ок. Рогачева). В XVI в.—село. В 1547 г. принадлежало Песношскому мон-рю, подарено было кн. Петром Дмитриевичем, т.-е. до 1428 г. (Лопарев, I, 321).

Обушково Каменского стана. В первой половине XVII в. сельцо Бушково на р. Лутосне принадлежало Мих. Пос. Щептину, получено было за Московское осадное сиденье царя Василия Ивановича, т.-е. в 1610 г. (Пер. кн. 7136 г.).

Одинцова Повельского стана. В первой половине XVII в. была вотчиной за Марьей Титовой с детьми, мужа ее купленная вотчина, что муж ее купил в Печерском мон-ре д. Одинцова в 1625 г., в мон-рь дал ту вотчину вкладом Григорий Моматов (Пер. кн. 7136 г.).

Окулова Повельского стана. В 1572 г. продана была Вас. Фед. Воронцовым в Троице-Сергиев мон-рь. В конце XVI в. д. Окулова насчитывала 8 дворов (Писц. кн., I, 776—782).

Ольгово Каменского стана. В 1566 г. „село Лгово“ в Каменском стане было дворцовым (Собр. Гос. Гр. и Д., I, 187). В перв. пол. XVII в. село Льгово на пруде принадлежало Фед. Вас. Чаплину, за московское осадное сиденье королевичева приходу, т.-е. в 1619 г. (Пер. кн. 7136 г.).

Ольявиово Повельского стана. В конце XVI в. село иногда называлось Вольявидовым, напр. „в селе в Вольявидове“ (А. А. Э., I, 330). Название, может быть, идет от испорченного Вельяминово; может быть, испорченное Вельявиово (от села открывается вид на Велю и окрестности, верст на 20). В XVI веке принадлежало Ворон-

цовым-Вельяминовым, старинной дмитровской фамилии. Дочь Поливкта Вас. Вельяминова была замужем за Дмитровским князем Петром Дмитриевичем (П. С. Л., XVIII, 153). У кн. Юрия Ив. в 1518 г. был дворецким Вас. Конст. Вельяминов (А. А. Э., I, 165). Первое упоминание о с. Ольявидове в 1551 г. В 1551 г. вотчинник с. Ольявидова Ив. Фед. Воронцов жаловался, что „на отца моего твоя г-ва опала пришла и живот и грамоты и всякие крепи поимали в твою г-ву казну“ (Чтения, 1894; III, смесь, грам. 1531—1551 г.). В 1572 г. Ольявидово, вместе с деревнями, было продано Вас. Фед. Воронцовым Троице Сергиеву м-рю за 700 руб. и „с мельницею и с рыбною ловлею“, в селе был тогда храм (Обзор, III, 71). В конце XVI в. в Ольявидове было 14 крестьянских дворов, стояла деревянная шатровая (вверх) церковь св. Троицы. К с. Ольявидову в это время принадлежали отхожие луга и роща на р. Дубне и много деревень (Писц. кн., I, 776—777).

Орудьево Повельского стана. В 1555 г. с. Орудьево было пожаловано в Новоспасский мон-рь, царем Иваном Васильевичем „по духовной дяди своего по князь Юрье Ивановиче“. Значит Орудьево уже существовало не позднее 1533 г., года смерти Юрия. Орудьеву в конце XVII в. принадлежали пожни по р. Якоти, владел ими м-рь по жалованной грамоте 1555 г. (Федотов-Чеховской, Акты гражд. расправы, II, № 168; обзор, III, 196, 259 и 260).

Панково Повельского стана. В 1576 г. сельцо Паково (надо Паньково) дано было в поместье Григ. Мих. Ельчанинову, вместе с деревнями (Юшков, Акты XIII—XVII в.в., Чтения, 1898, II, III, № 204), раньше в 1570 г. было в поместье за Григ. Унковским (там же). В первой половине XVII в. село Панково принадлежало Вас. Никиф. Ельчанинову, — „отца ево вотчина“ (Пер. кн. 7136 г.).

Пантилеево (Минеево тоже в XVII в.) Повельского стана. В 1562 г. „сельцо Пантилеево“ принадлежало Медведевой пустыни. В нем был монастырский двор, 4 крестьян. двора и 7 непашенных дворов (Чтения, 1902, II, Сотницы, стр. 142—144).

Перемилово Повельского стана. В XVI веке иногда обозначалось „селцо Перемилово у Дмитрова на посаде на реке на Яхроме“. Вел. князь Василий Иванович пожаловал это село Юрию Вас. Кокошкина Глебову, (раньше село было вотчиной Конст. Сем. Головина). Пожалование должно было состояться до смерти Василия III, т.-е. до 1533. В 1544 г. Юрий Вас. Кокошкин подарил 7-ой жеребий села в Троице-Сергиев мон-рь. В этом жеребии было 3 двора с людьми, а 4-ый двор с людьми же непашенной, да 3 дес. боярской пашни (Обзор, III, 26). В первой половине XVII в. Перемилово было уже старым поместьем Ивана Дав. Софонова, в нем была ветхая развалившаяся ц. Архистратига Михаила (Переп. кн. 7136 г.).

Пересветово Повельского стана. Название свое, вероятно, получило от фамилии Пересветовых, очень известной в Дмитровском княжестве в XVI в. Напр., Вас. Ив. Пересветов был послом кн. Юрия Ивановича к митрополиту Даниилу (А. И., I, 129). В 1517 г. упоминается Настасия Пересветова с детьми Василием, Елизаром, Никитой и Иваном Ивановыми Пересветовыми (Обзор, III, 128). Первые о с. Пересветове упоминается в 1563 г., когда Иван Долгий продал свою куплю $\frac{1}{3}$ села Пересветова Троице-Сергиеву мон-рю (Обзор, III, 49). В 1574 г. другая $\frac{1}{3}$ с. Пересветова продана была тому же мон-рю Мих. Ив. Пересветовым, он продал „свою старинную вотчину“. В селе был храм, двор боярский и хоромы на дворе (Обзор, III, 82). В первой половине XVII в. с. Пересветово стало уже

купленной вотчиной Ив. Ив. Болотникова, он купил село у дьяка Андрея Подлесова в 1619 г. (Переп. кн. 7136, Холмог., 189—191).

Петраково Повельского стана. В первой половине XVII в. сельцо Петраково принадлежало Воину Мих. Шокурову, получено им было за московское осадное сиденье королевичева приходу, т.-е. в 1619 г. (Пер. кн. 7136 г.).

Плетенева Повельского стана. В XVI в.—деревня. В 1516 г. принадлежала боярину кн. Юрия Ивановича—Андр. Ив. Товаркову, который получил на это село „на его купль“ льготную грамоту, т. к. „д. Плетенева опустела“ (Обзор, III, 308), но упоминается уже в 1512 г., как владение Григ. Андр. Семичева, который продал эту деревню Товаркову „з дворы“ (Обзор, III, 164). Товарков завещал Плетенево Федору Неждану Фед. сыну, подарившему эту деревню ок. 1519 г. в Троице-Серг. мон-рь (Обзор, III, 23, см. еще—Обзор, III, 270).

Поддубная Повельского стана. В 1531 г. „деревня Поддубная принадлежала к с. Елпатьевскому (см. Внуково). Современные Поддубки соседят также с Внуковым (Чтения, 1894 г. III, смесь, грам. 1531 и 1551 г.г.).

Подлипицье Повельского стана. В 1566 г. было дворцовым селом. (П. С. Л. XIII, 400). В первой половине XVII в., после смуты, вначале было пустошью (Холмогор., 214—217).

Подмошье Каменского стана. В 1554 г.—село Подмошье было вотчиной Вознесенского Московского мон-ря (Обзор, III, 373).

Подсосенье Каменского стана. В первой половине XVII в., д. Подсосенье была вотчиной Степ. Мих. Чирикова, получена им за московское осадное сиденье королевичева приходу (Пер. кн. 7136 г.).

Подчертково Повельского стана. В XVI в. село. Название, вероятно, получило от фамилии Подчертковых, известных в Дмитровском княжестве в первой половине XVI в. (см. обзор, III, указатель имен). Было еще в XVI в. и другое „Срезнево Подчертково“ в Каменском стане (Обзор, III, 176 и 179). В 1538 г. Подчертково дано было в Троице-Сергиевский мон-рь, вкладом по приказу кн. Давида Даниловича Хромого (Обзор, III, 279). У мон-ря это село купил за 150 руб. казначей вел. князя Федор Ив. Сукин. В 1548 г. Сукин опять его продал в Троице-Сергиевский м-рь, в селе упомянутого в это время ц. Рождества Богородицы (Обзор, III, 34).

Поповская Каменского стана (ок. Рогачева). В XVI в.—село. В 1547 г. упоминается в числе сел, подаренных в Песношский мон-рь кн. Петром Дмитриевичем, т.-е. до 1428 г. (Лопарев, I, 321—323).

Поповская Каменского стана, деревня. В 1538 г. принадлежала Троице-Сергиеву мон-рю (Чтения, 1902, II, Сотницы, 122—123).

Прокошева Повельского стана. В 1531 г., как видно из описания границ с. Внукова, д. Прокошева принадлежала кн. Давыду Даниловичу (Хромому) см. Чтения, 1894, III, смесь, грам. 1531 и 1551 г.).

Прокофьева Повельского стана. В 1562 г. д-ня „Прокохово“ при сельце Пантилееве на р. Сестре принадлежала Медведевой пустыни (Чтения, 1902, II, Сотницы, 142—144).

Прудцы Повельского стана. В первой половине XVII в. обозначалось так: „за под(ь)ячим за Петром Самоновым что было в вотчине за Семеном Вельяминовым, а после было в поместье за дьяком да за братом ево родным за Иваном Ларионовыми сельцо Прудцы“ (Пер. кн. 7136).

Путятино Каменского стана. В первой пол. XVII в. „сельцо Большое Путятино на дву прудах, а из них течет ручей и пал

в речку Каменку“. Было вотчиной Дм. Вас. Лодыгина“ (Переп. кн. 7136 г.).

Раменье Повельского стана. В первой пол. XVII в. принадлежало Медведевой пустыни, носило название „деревня что было село Новое Раменье Санное тож“ (Переп. кн. 7136 г.). С. Новое Медведевой пустыни известно уже с 1562 г., когда оно насчитывало 3 двора крестьян. 2 непаш. двора и монаст. двор, к нему приписано было много деревень (см. Чтения, 1902, II, Сотницы, 138—140).

Редькино Каменского стана. В 1504 г. была деревней („Реткино“) Удинского села (Собр. Гос. Гр. и Д., I, № 140).

Рогачево Каменского стана. В 1547 г. принадлежало Песношскому м-рю, подарено было в м-рь кн. Петром Дмитров., т.-е. до 1428 года. (Лопарев, I, 321—323; подробнее см.—Покровский, И. Т. Торговое село Рогачево“, Ч. I—II, М. 1886 г.).

Рогова Повельского стана. В 1571 г., вместе с сельцом Михайловским, была отнята у подьячего Улана Айгустова и передана дьяку Вас. Щелкалову (А. А. Э., I, № 280).

Ростиславльские выселки Вышегородского стана. В описании межи сельца Леонова 1513 г. указаны Ратиславские перегороды и село Ратиславль, поблизости от Ермолина, у межи между Московским и Дмитровским уездами (Сборник Актов, относящ. к владениям митрополитов, рукопись Синод. Моск. Библ., № 276, рукоп. XVI в., л. 83 об., см. еще л. 103). В 1518 г. сельцо Ратиславль „на Черной речке“ было куплено в дом митрополита у Афон. и у Алексея Микул. детей Чертова. В сельце была ц. Николая Чуд. (там же, л. 84 об.).

Ртищева Вышегородского стана. Название свое ведет от фамилии вотчинников—Ртищевых, называлось также Протасьевским. В 1544 г. Вас. Вас. Ртищев получил льготную грамоту на свое сельцо Протасьево с д-нями „в Вышегородьи“. В 1650 г. владелец Ртищева Вас. Макар. Ртищев показал—„которая г-рь вотчина рода нашего, Ртищевых, болши полутретьяста лет“ (т.-е. им принадлежала уже 250 лет). (Кашкин, Н. Н.—Родословные разведки, I, стр. 157 и 158). По переп. кн. 7136 г. принадлежала Ртищевым по приправ. книгам 1562 г. (Пер. кн. 7136 г.).

Рыгино. В первой половине XVII в. вотчина Ив. Степ. Благово (Пер. кн. 7136 г.).

Савельево Каменского стана. В 1538 г. принадлежало Троице-Сергиеву мон-рю (Чтения, 1902, II, Сотницы, 122—123). В конце XVI в. насчитывала 6 дворов (Писц. кн., I, Камен. стан).

Савино Повельского стана. На р. Веле. В 1572 г., вместе с Ольявидовым, Вас. Фед. Воронцовым было продано Троице-Сергиеву мон-рю. В конце XVI в. насчитывало 2 двора (Писц. кн., I, 776—782).

Селевкино Вышегородского стана. В первой половине XVII в., „село Селевкино на пруде“ было приданой вотчиной кн. Влад. Тим. Долгорукого (Пер. кн. 7136 г.).

Селино Вышегородского стана. В первой пол. XVII в. сельцо Селино принадлежало кн. Юр. Андр. Сицкому, „отца ево вотчина“, укреплено за ним по приправ. книгам 1562 г. (Пер. кн. 7136).

Семеновское Каменского стана. В 1566 г.—дворцовое село (Продолж. Др. Росс. Вивл., Ч. II, № 203). В первой половине XVII в. находилось: $\frac{1}{3}$ в поместьи за Мих. Ив. Щепкиным, $\frac{2}{3}$ в вотчине за Вас. Матв. Тыртовым и Мих. Ив. Толстым. В роде Тыртовых оставалось до 1767 г. (Холм., 291—293, Пер. Кн. 7136 г.).

Семерлино Каменского стана. В первой половине XVII в. сельцо Семерлино „старинная вотчина“ кн. Андр. Федор. Литвинова Мосальского (Пер. кн. 7136 г.).

Серково Вышегородского стана. В 1504 г., рядом с Трощеевым, была „становая деревня Серково“ (Собр. Гос. Гр. и Д., I, № 140).

Синьково Каменского стана. Между 1436—1445 г.г. с. Синьково было пожаловано в. кн. Вас. Вас. Темным в Троице-Сергиев мон-рь. (Обзор, III, 16, см. еще там же—113, 147, 263, 268). В конце XVI в. в Синькове на речке на Варварке было 27 крестьянских дворов да 3 двора пустых. В селе был монастырский двор и хоромы, 2 горницы с сенями и между ними повалуша, людская изба и хозяйственные постройки: погребница, ледник, поварня (Писц. кн., I, 743—744).

Слободище Повельского стана. На р. Веле. В 1572 г. Вас. Фед. Воронцовым была продана Троице-Сергиеву мон-рю. В конце XVI века д. Слободище насчитывала 7 дворов (Писц. кн. I, 776—782).

Сокольники Вышегородского стана. В XVI в. была деревней села Гавшина. Называлось „Малое Сокольниково“ на речке Долгуше (Волгуше), в ней было 2 двора. Село Гавшино не сохранилось. Гавшино дано было в Троице-Сергиев мон-рь Марьей Ондр., женой Слизнева, в 1570 г. (Писц., кн. I, Вышег. стан.).

Спас-Каменка Вышегородского стана. В XV в. называлось „село Спасское Семеновское“. В XV в. принадлежало Рагозе Терентьеву, у которого было куплено, вместе с деревнями Вас. Дм. Ермолиным, известным архитектором XV в. (об его постройках за 1462—72 г.г.—см. П. С. Л., XXIII, 157—160). Ермолин продал „Спасское Семеновское“ своему зятю Дм. Вас. Боброву (Обзор, III, 157 и 158). В 1463 г. Бобр получил от кн. Юрия Вас. на село Спасское несудимую грамоту (Обзор, III, 305). В 1546 г. сын Дм. Вас. Бобра, старец Иосиф, подарил села Спасское и Ермолинское Троице-Сергиеву мон-рю (Обзор, III, 29). В первой пол. XVII в. Спасское принадлежало Мик. Наум. Беглецову, как „закладная вотчина что ему заложил Афонасей Григорьев Бобров старинную вотчину село Спасское на р. на Каменке“ (Пер. кн. 7136 г.).

Спиридова Каменского стана. В 1538 г. принадлежала Троице Сергиеву мон-рю (Чтения, 1902, II, Сотницы, 122—123).

Старова Повельского стана. На р. Веле. В 1550 г. Дм. Ильин Шестаков продал „деревню Старое“ Вас. Третьяк. Дурову (Обзор, III, 177). Соседнее Горбово принадлежало Дуровым, как вотчина, и в XVII в.

Стрекова Каменского стана. На р. Волгуше. В 1579 г. Анной Павловой, женой Дурова, была подарена Троице-Сергиеву мон-рю (Писц. кн., I, Камен. стан).

Ступина Повельского стана. В 1562 г. деревня Ступина при сельце Пантилееве на р. Сестре принадлежала Медведевой пустыни (Чтения, 1902, II, Сотницы, 142—144).

Судниково. Каменского стана. В XVI в. сельцо. В 1572 г. старица Сундулея с детьми Владимиром и Иваном Кокошкиными отдала Судниково и д. Куркову в Троице-Сергиев мон-рь. (Обзор, III, 68, 74, 90, 130). В конце XVI в. д. Судникова насчитывала 16 дворов (Писц. кн., I, Камен. стан).

Сурмино Вышегородского стана. В XVI в.—село. Название, вероятно, ведет от фамилии Сурминых. Митрополичий дворецкий Фед. Фед. Сурмин, покупал в 1507—1516 г.г. митрополиту ряд сел (Сб. актов, относ. к влад. митроп. Син. Моск. Библ. № 276, л. 59 и 69—70).

В 1504 г. с. Сурмино принадлежало Вознесенскому Московскому мон-рю (Собр. Гос. Гр. и Дог., I, № 140).

Сухарево (Лифаново) Повельского стана. В первой половине XVII в. пустошь, что была д. Лиханово Сухарево на речке на Шибохте, принадлежала конному псарю Афан. Григ. Позднякову, получил он ее за московское осадное сиденье королевичева приходу т.-е. в 1619 г. (Переп. кн. 7136 г.).

Сысоева Каменского стана. В 1538 г. принадлежала Троице-Сергиеву монастырю (Чтения, 1902, II, Сотницы, 122—123). В конце XVI в. д. Сысоева насчитывала 16 дворов (Писц. кн., I, Камен. стан).

Тарусово Повельского стана. На р. Дубне. В первой пол. XVII в. „д. Тарасково Торусово“ была вотчиной Замятни Федор. Левонтьева, получена им была—за московское осадное сиденье ц. Вас. Ив., т.-е. в 1610 г. (Пер. кн. 7136 г.).

Татищево Повельского стана. В XVI в. называлось также „селом Константиновским“. Название свое получило от фамилии Татищевых, распространенной в первой половине XVI в. в Дмитровском уезде. В 1517 г. село Константиновское принадлежало братьям Пересветовым, с которыми Татищевы были в родстве. Пересветовы разделили село и деревни, всего в них жило 37 человек, „а озерко под селом у четырех братьев вопче“ (Обзор, III, 128, озерко показано на 2 верстной карте). В числе послухов при разделе был и Афан. Игн. Татищев. В 1557 г. Меншой РаSTOPчин выкупил $\frac{1}{3}$ сельца „Константиновского Татищева“ у Ив. Олферьева, купившего у Ив. Пересветова, выкуп объяснен тем, что жена РаSTOPчина Матрена „той вотчине вотнич“ (Обзор, III, 135, 183). В 1573 г. Меншой Конст. сын подарил „село Константиновское, а Татищево тоже“, в Троице-Сергиев мон-рь (Обзор, III, 76). Дочь его „Варвара Меншево“ продала „отца ее родовую вотчину“ Бор. Григ. Матусову, подарившему в 1613 г. сельцо Татищево снова в Троице-Сергиев монастырь (Обзор, III, 104). В первой половине XVII в.—„д. Константиновская Татищево тож“ (Пер. кн. 7136).

Тиманово Повельского стана. В первой половине XVII в. принадлежало Коротневым и Шестаковым. Но существовало уже в 1597 г.; так, про владение Коротневых в переп. книгах сказано: „а писано за нее и за сыном ее та вотчина по даной и по вводной отца ее Михайла Орлова 105 году“. Другая половина сельца Тиманова была писана за Шестаковыми по правой грамоте 1604 года. На земле Тиманова был и погост Подболотье пуст (Переп. кн. 7136 г.). В роде Коротневых Тиманово оставалось до 1755 г. (Холмогоров, 257—258).

Тимошкина Повельского стана. В 1572 г. д. Тимошкина, вместе с Ольявидовым, была продана Вас. Фед. Вельяминовым в Троице-Сергиев мон-рь. В конце XVI в. насчитывала 8 дворов, стояла на речке Шибохте (Писц. кн. I, 776—782). В первой половине XVII в. д. Тимошкина попрежнему указывалась на р. Шибохте. (Пер. кн. 7136 г.).

Тишина Повельского стана. В 1562 г. д. Тишина сельца Пантлеева, на р. Сестре, принадлежала Медведевой пустыни (Чтения, 1902, II, Сотницы, 142—144).

Торговцево Повельского стана. В 1548 г. Сем. Мих. Елизаров продал „вотчинное село Торговцы“ Фед. Ив. Сукину за 150 руб. (Обзор, III, 175). По завещанию боярина Ф. Ив. Сукина, село перешло к его племяннику Григ. Ив. Заболоцкому в 1566 г., подарившему его в Троице-Сергиев мон-рь (Обзор, III, 55, 81, 152).

Тращева или Тращейкова Вышегородского стана. В 1504 г. д. Трошеево принадлежала Роману Судимонтову (Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 140).

Турбичево Каменского стана. В XVI в. принадлежало Дмитровскому Борисоглебскому мон-рю, подарено было кн. Юрием Ивановичем, т.-е. до 1533 г. (Померанцев, Дмитровский край, стр. 66).

Удино Каменского стана. Село „Удинское“ известно с 1504 г., к нему тянули многие деревни. В 1566 г. было дворцовым селом (Собр. Гос. Гр. и Дог., I, № 140).

Устья-Пристань Повельского стана. В 1562 г. „д. Устье“ на р. Яхrome принадлежала Медведевой пустыни, насчитывала 2 двора (Чтения, 1902, II, Сотницы, 145).

Федоровка Повельского стана. В 1562 г. д. Федоровка сельца Панталева на р. Сестре принадлежала Медведевой пустыни (Чтения, 1902, II, Сотницы, 142—144).

Федюжина Повельского стана. В 1547 г. царем Ив. Вас. была вместе с с. Куликовым отдана кн. Мих. Ив. Кубенскому, в числе „соколничя пути“ деревень (А. А. Э., I, 215).

Фофанова Повельского стана. В 1547 г. царем Ив. Вас., вместе с селом Куликовым, было отдано кн. Мих. Ив. Кубенскому, в числе „соколничя пути“ деревень (А. А. Э., I, № 215).

Хвостова Каменского стана. В 1538 г. принадлежала Троице-Сергиеву мон-рю (Чтения, 1902, II, Сотницы, 122—123). В конце XVI века д. Хвостова насчитывала 4 двора (Писц. кн., I, Камен. стан).

Хорошилова Вышегородского стана. В 1504 г. сельцо принадлежало Дмитрию Володимерову (Собр. Гос. Гр. и Д., I, № 140).

Храброво Каменского стана. В первой половине XVII в. принадлежало Крюковым, по приправочным книгам 1562 г. (Пер. кн. 7136 г.).

Цилеева Вышегородского стана. В первой половине XVII в. „сельцо Цилеево“ было „старинной вотчиной“ Никиты Ив. Ласкирева, принадлежало ему по приправ. книгам 1562 г. (Пер. кн. 7136 г.).

Чайникова Каменского стана. В 1548 г. „д. Тчанниково“ принадлежала путному ключнику Вас. Ив. Дурову (А. А. Э., I, № 218).

Чернеева Каменского стана. В 1562 г. с. Чернеево указано „в Повельском стане, что было в Каменском стану“. В этом году село уже принадлежало Медведевой пустыни, в нем была церковь Дмитрия Селунского, монастырский двор, 7 крестьянских дворов и 9 непашенных дворов (Чтения, 1902, II, Сотницы, 145—146).

Шиболова Вышегородского стана, на р. Волгуше. В первой половине XVII в. была „купленной вотчиной“ (у вдовы Дьяковой) Богд.-Русинова Десятова (Пер. кн., 7136 г.).

Шолохова Повельского стана. В первой половине XVII в., как старинная вотчина, принадлежала Дм. Никон. Милославскому— „аписана за ним та вотчина по грамоте блаженные памяти царя и вел. князя Ивана Вас. всеа Русии 59-го (т.-е. 1551) году“ (Пер. кн. 7136 г.).

Шуколово Вышегородского стана. В 1559 г. в Шуколове была уже ц. Успения Пречистой (Сборник актов, собр. в архивах и библиотеках Н. П. Лихачевым, 36—39). В первой половине XVII в. принадлежало Дан. Мих. Шокурову (Пер. кн. 7136 г.).

Шульгина Каменского стана. В 1526 г. принадлежала Антонию Александровичу Мизинову, подарившему Шульгину в Медведеву пустыню (Обзор, III, 142). Медведева пустынь продала д. Шульгину

в Троице-Сергиев мон-рь в 1550 г. (Обзор, III, 151). В конце XVI в. д. Шульгина насчитывала 7 дворов (Писц. кн. I, Камен. стан).

Щепина Вышегородского стана. В первой пол. XVII в. принадлежала Кондр. Петр. Каликину, „старинная их вотчина пустош что была д. Щепина“ укреплена она за ним по приправочным книгам 1562 г. (Пер. кн. 7136 г.).

Языково Вышегородского стана. В 1565 г. с. Языково было вотчиной Марьи, жены Василия Жукова, с ее внучатами (Обзор, III, 143). В первой половине XVII в. была помещьем кн. Петра Федоровича Вольнского (Пер. кн. 7136 г.).

Ярыково Вышегородского стана. В 1504 г. „с. Ярыково“ принадлежало Матвею Судимонтову (Собр. Гос. Гр. и Д., I, № 140). В первой половине XVII в. „селцо Ерыково на р. на Яхроме“ принадлежало путному ключнику Кормового дворца Ив. Алексею Пузыреву, „купленная вотчина, что купил у Ил(ь)и у Федорова (с(ы)на Судимонтова“ (Пер. кн. 7136 г.).

Юркина Каменского стана. В первой половине XVII в. д. Юркина была выслуженой вотчиной Мих. Ив. Савина, получена она им за Московское осадное сиденье ц. Вас. Ив., т.-е. в 1610 г. (Пер. кн. 7136 г.).

И С Т О Ч Н И К И.

Исследователь, работающий над историей сел и деревень в Дмитровском крае в XV и XVI веке, в отношении исторических источников находится в очень невыгодном положении. Для Дмитровского края отсутствует основной источник экономической истории XVI века—писцовые книги. Сохранившиеся по Дмитрову писцовые книги относятся только к самому концу XVI века и заключают в себе данные лишь о вотчинах Троицкого мон-ря. В известной мере недостаток восполняется лишь сотными выписями о владениях Медведевой пустыни и др. мон-рей. Главным же материалом служат грамоты коллегии экономии, изданные Шумаковым. Остальные указания на селения Дмитровского края приходится уже собирать по мелочам. Так как в тексте ссылки на источники делаются сокращенно, то здесь будут указаны важнейшие из источников и объяснены сокращения ссылок на источники в тексте.

1. Писцовые книги XVI в. Часть I (отд. I и II). Дмитровский уезд. Писцов. книги 1592—93 г. Вышегородский стан—стр. 731—734, Каменский стан—стр. 743—756, Повельский стан—стр. 776—785 (в сокращ.—Писцов. кн. I, Дмитров. уезд., указывается только стан).

2. Шумаков, С. А. Обзор грамот Коллегии Экономии. Вып. III, Верея, Волоколамск, Дмитров и Звенигород. Часть I. Дмитров (Чтения в Об-ве Истории и Древностей Российских, 1912 г., книга 3-я, IV + 259 стр. в сокращении—Обзор, III (указывается № документа).

3. Холмогоровы, В. И. и Г. И.—Исторические материалы о церквах и селах XVI—XVIII в.в. Выпуск IX. Дмитровская десятина (Чтения в Об-ве Истории и Древностей Российских, 1911 г., книга 3, 125—336, в сокращ.—Холмогоровы (указ. страницы).

4. Шумаков, С. А.—Сотницы (1537—1597), грамоты и записи (Чтения в Об-ве Ист. и Древн. Росс. 1902, книга II, стр. 122—124 и 138—147) в сокр.—Чтения, 1902, II, Сотницы (указ. страницы).

5. Акты Археографической Экспедиции. Том I, в сокращ. А. А. Э. I, (№ документа).

6. Список с писцовых з Дмитровских книг писма и меры Андрея Загряского да подьячего Гаврила Володимерова 135 и 136 года (хранится в б. Архиве Мин. Юстиции, № 627, кн. 43).—в сокращении Переп. кн. 7136 г. и Пер. кн. 1628/9 года), на самом деле в этих книгах есть записи, относящиеся и к более позднему времени, чем 1628/9 г.

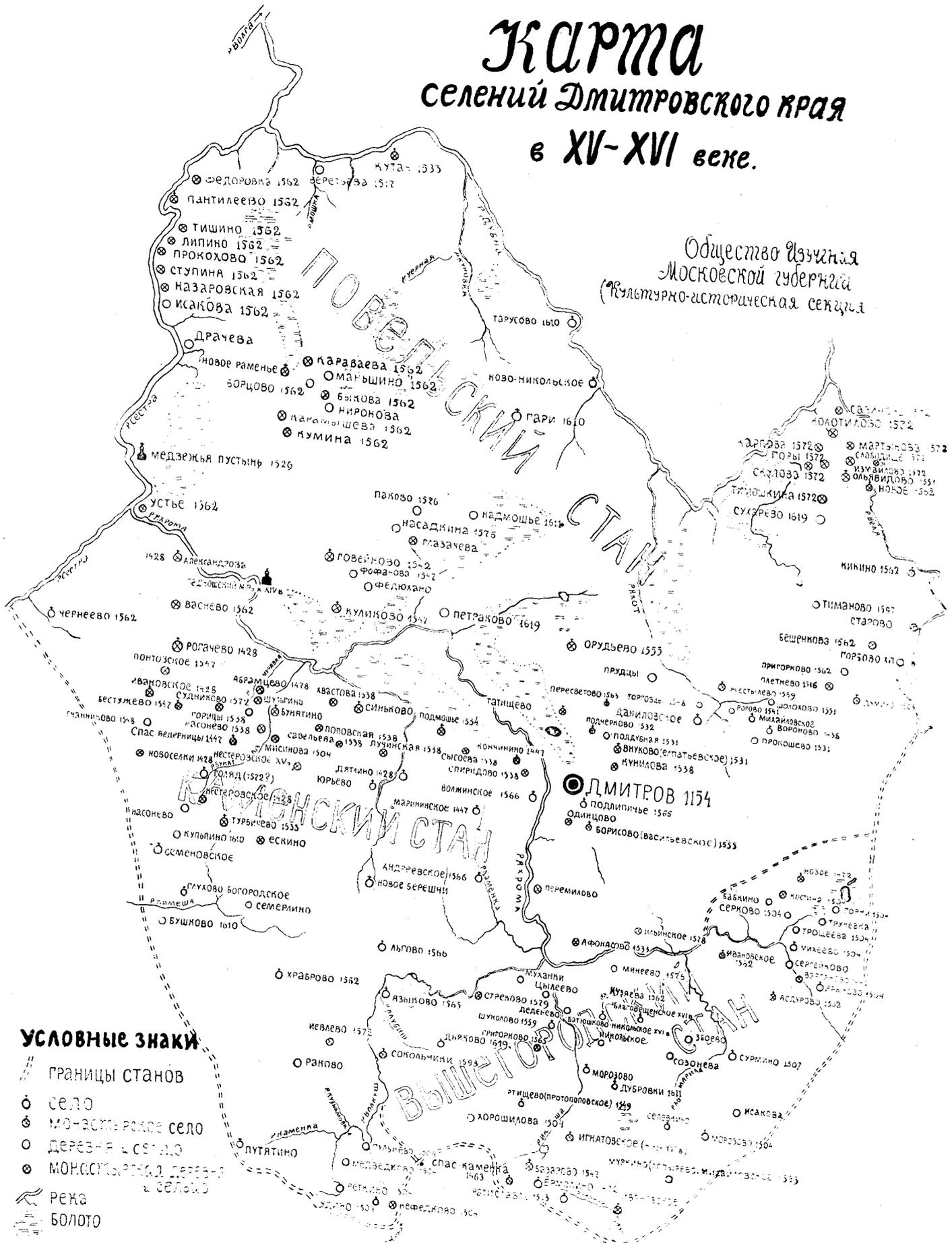
7. Собрание Государственных Грамот и Договоров. Том. I, № 140. Межевая грамота 1504 года,—в сокращ. Собр. Гос. Гр. и Д., I, № 140).

8. Федотов-Чеховской, А.—Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России, Том I и II, в сокращ. Федотов-Чеховской—Акты граждан. распр. (Том и № документа).

9. Лопарев, Хр.—Описание рукописей Имп. Об-ва Любителей др. письменности. Ч. I, стр. 321—324—Жалов. грамота царя Иоанна Грозного, на пергамене. 1547 г. Песношскому мон-рю—в сокращ.—Лопарев, стр. 321—324.

Остальные пособия указаны в тексте.

Карта селений Дмитровского края в XV-XVI вв.

ДОБАВЛЕНИЕ. На приложенной карте в станах Повельском, Дмитровском и Вышесторонском должны быть отмечены также и следующие селения: Исакова, Драчева, Мязьшино, Борцово, Нарва, Давыдовское, Давыдовское, Горницы, Дятлино, Марининское, Ратиславль, Вороново.

Составил М.Н. МИХОМИРОВ XII-1927